

Ирина Измайлова

Царство небесное

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=170131

Ирина Измайлова. Царство небесное: Яуза, Эксмо; Москва; 2005

ISBN 5-699-10920-X

Аннотация

Если на календаре 1187 год от Рождества Христова. Если война пришла на Святую Землю. Если рушатся земные царства и дым пожаров застилает солнце. Если Иерусалим в осаде – выбирай!

Ты еще можешь спастись – бежать из обреченного города, спрятаться, скрыться и доживать свой долгий земной век в покое, достатке и ничтожестве. Или ты предпочтешь иное Спасение. Ради которого взойдешь на стену Христова Града с оружием в руках – чтобы отстоять свою веру, свою любовь и бессмертную душу.

И в свой смертный час узреть Царство небесное.

Содержание

Часть I. МОЛОЧНЫЕ БРАТЯ	4
Глава первая	4
Глава вторая	18
Глава третья	30
Глава четвертая	42
Глава пятая	53
Глава шестая	68
Глава седьмая	82
Глава восьмая	93
Глава девятая	104
Часть II. БАЛЛАДА О РЫЦАРЕ И ПРИНЦЕССЕ	113
Глава первая	113
Глава вторая	126
Глава третья	136
Конец ознакомительного фрагмента.	140

Ирина Измайлова

Царство небесное

Часть I. МОЛОЧНЫЕ БРАТЬЯ

Глава первая

Рассказ крестоносца

Вот уже в третий раз глашатай проходил по улице, сипло трубя в рог и через каждые два десятка шагов принимаясь кричать:

– Ярмарка! Слушайте, добрые жители Лиона! Завтра начнется ярмарка! Приходите на ярмарочную площадь все, у кого есть хоть один лишний медяк! Приходите и у кого нет ни медяшки: может, найдете, что обменять или продать! Ярмарка! Лучший германский лен и самая теплая английская шерсть! Добрый английский король увез всех своих подданных в жаркую Сицилию, и им не нужны теплые одежды – купцы из Англии привезут шерстяные ткани сюда! Тонкое сукно из Голландии – понравится всякой даме и сгодится простой девице на свадебное платье! Отличная фламандская кожа, вино всяких сортов. Ярмарка! В Лионе завтра начнет-

ся ярмарка!

Улица была узкая, и когда глашатай для подкрепления своих слов принимался размахивать руками, он то и дело задевал прохожих, в эти утренние часы достаточно редких, однако шедших каждый по какому-то делу, а потому сильно злившихся, что этот, с их точки зрения, бездельник ходит тут взад-вперед, дерет глотку, да еще и толкается. О предстоящей ярмарке почти все жители Лиона и так уже слышали, уж во всяком случае, на улицах, населенных ремесленниками, было немало тех, кто и сам собирался привезти туда свой товар, и люди не понимали, для чего заезжие купцы платят этим крикунам: может, для того, чтоб все знали, как много у них денег?

Дома в этой части Лиона были в основном двухэтажные, частью каменные, сложенные из шербоатого, плохо отесанного известняка, частью деревянные. Вторые этажи у всех без исключения домов выдвигались вперед, нависая над улицей так, что между кромками кровли оставался совсем небольшой зазор, и солнце проникало сюда только к полудню, а сейчас здесь было полутемно.

Впрочем, перед мастерской кузнеца было достаточно светло. Во-первых, она располагалась почти в самом конце улицы, и сразу за нею была небольшая площадь – обычно на ней оставляли свои повозки те, кто хотел подковать лошадей или быков[1], а зимой тут продавали или выменивали дрова и хворост – до городских ворот отсюда было с полсотни ша-

гов. Во-вторых, кузнечная печь ярко полыхала, и из широко раскрытой двери падал сноп рыжего трепещущего света.

Прохожие всегда задерживались, проходя мимо кузницы, и обязательно здоровались с кузнецом, кто кивком головы, а кто и громким возгласом, призванным перекрыть скрип мехов и стук молота:

– Здравствуй, мастер Эдгар!

Обращение «мастер» было вполне заслуженное: этот кузнец слыл в Лионе лучшим оружейником, к тому же и всякого рода нарядные женские безделушки у него выходили на зависть другим, и подковы, которые он набивал, выдерживали самые долгие переходы и не слетали с лошадиных копыт. А еще кузнец Эдгар никогда и ни с кого не пытался взять лишних денег, и это тоже вызывало уважение. Поэтому никто и не возражал против того, что двадцатилетнего кузнеца величают почетным словом «мастер».

В это утро Эдгар был как обычно занят работой, и его помощники-подмастерье и двое учеников привычно хлопотали возле печи и мехов. А все, кто проходил мимо распахнутых во всю ширину дверей, заглядывали туда с особым любопытством: уж очень красивый конь был привязан к медному кольцу у входа, а седло и сбруя на нем были так богаты, что вызывали изумление – к мастеру Эдгару заезжали и знатные люди, кто же не хочет, чтоб его оружие или украшения сделал такой искусный кузнец, но таких лошадей, да с таким снаряжением тут еще никогда не видывали. Чистых

кровей роскошный абиссинский жеребец сердито рыл землю узким копытом, поводя ноздрями и зло зыряка круглым черным оком на всякого, кто пытался протянуть руку, чтобы тронуть его лебединую шею. Седло восточной работы было разукрашено золотым шитьем и серебряными бляшками с вязью арабских букв, а стремяна были сплошь покрыты золотым тиснением.

Тот, кому принадлежал великолепный конь, сидел на скамье, в углу, противоположном тому, который занимал горн, и, небрежно щелкая орехи, горстью насыпанные в подол его камзола, наблюдал за работой мастера. И почти все, кто, проходя по улице, заглядывали в кузницу, скорее всего, замечали, что между кузнецом Эдгаром и этим человеком немало общего. Правда, приезжий был одет если не с роскошью, то достаточно богато, под стать снаряжению своего коня, тогда как на Эдгаре были только обычные суконные штаны, башмаки, сношенные почти до дыр, да широкий кожаный фартук. Но все же он был похож на своего гостя – тот и другой – богатырского роста, крепкого сложения, однако без всякой тяжести. Могучие мускулы приезжего скрывали широкие с прорезями рукава, зато руки, плечи и спина кузнеца были совершенно обнажены, и вряд ли кто сумел бы не залюбоваться игрой его литых мышц, когда он размеренно и точно орудовал молотом. У обоих молодых людей (они выглядели ровесниками) были густые и немного выющиеся, очень светлые волосы и, напротив, темные, как агат, глаза. Черты лица

того и другого всякий назвал бы красивыми, хотя лицо приезжего покрывал необычайно густой загар, а лоб и щеки Эдгара были черны по другой причине – ему редко удавалось дочиста отмыть их от сажи.

Кузнец был поглощен работой: украшал насечкой шлем, который гость уже успел примерить. Подмастерье в это время раскладывал на деревянном столе уже готовую длинную кольчугу, тщательно проверяя прочность петель и собираясь подгонять к ней пояс, а ученики что есть силы налегали на меха – самое главное, меч и щит, мастеру еще предстояло заканчивать.

Вся эта суета не мешала Эдгару вести оживленную беседу со своим гостем, а точнее, гостем и одновременно заказчиком, хотя всякий, кто сумел бы прислушаться к их беседе, заглушенной лязгом, скрипом и грохотом, отметил бы, вероятно, что беседуют они запросто, как близкие друзья.

Они и были друзьями и хотя не видались почти год, им легко было общаться: оба знали друг друга с самого раннего детства.

– Дух захватывает от твоих рассказов, Луи! – воскликнул молодой кузнец, поворачивая шлем и придирчиво рассматривая только что нанесенный узор. – Ты столько пережил за это время, что хватит, кажется, на целую жизнь. Кстати, ты ведь так и не объяснил, каким образом отправился в поход с армией германского императора? Разве Фридрих Барбаросса когда-либо жаловал нас, франков? Разве звал в свою армию?

В ответ гость кузнеца только пожал плечами:

– Призыв принять Святой Крест уравнил всех, Эдгар. На время уравнил... Но если быть точным, то все получилось само собой. Я был в Нонанкуре как раз тогда, когда там собрались короли, французский и английский, и епископы, и вся знать, чтобы обсудить будущий крестовый поход. И несколькими рыцарям, мне в их числе, было поручено сопровождать Тирского архиепископа Вильгельма в Германию, чтобы его преосвященство своими пылкими речами убедил императора Фридриха отправиться со своим войском к Иерусалиму. И, как оказалось, старика-императора не надо было особенно убеждать! Весть о том, что проклятые сарацины захватили священный город и хозяйничают у самого Гроба Господня, так потрясла германцев, что они позабыли всю свою спесь и умудрились выступить прежде нашего. Архиепископ отправился с Фридрихом, и мне, как ты понимаешь, очень не захотелось покидать его свиту.

– В этом ты весь! – усмехнулся Эдгар. – Была бы где-то драка, уж ты к ней поспеешь... Но, однако, расскажи, что было после того, как войско прошло Грецию. Греки, говоришь, встретили крестоносцев дурно?

– Дурнее некуда! – Луи бросил в рот еще пару орехов и с хрустом их разгрыз. – Точно они не христиане... Может, конечно, им не так уж и нравилось, что через их земли движется громадная армия германцев, которую, согласно договору надо кормить. В этом я их, пожалуй, понимаю. Однако

зачем же вести себя хуже разбойников? Они нападали на отдельные наши отряды, особенно на обозы, убивали, грабили. А в Филадельфии нам просто отказали в выдаче продовольствия. Тут уж сдержанные тевтонцы рассвирепели – высадили городские ворота, и началось!.. Не вмешайся старый Фридрих, его рыцари завалили бы город трупами. Я до сих пор удивляюсь, как ему удавалось так подчинять себе людей. Как бы там ни было, но стало даже легче, когда мы миновали Грецию. В конце концов всегда лучше знать, что враг это враг, а друг это друг.

Дальше был ужасный переход через горы и через соленые пустыни, где земля от жара вся в трещинах, и на теле от любой царапины появляются язвы – соль разъедает кожу... Сколько в этих горах и в пустыне пало лошадей, считать не берусь. Людей погибло тоже немало, хотя, надо сказать, германцы умеют выносить и очень тяжкий путь. К тому же, шли с верой и с молитвами!.. Право, тошнит, когда слышишь речи умников, рассуждающих о том, что крестоносцы идут в поход лишь ради золота и богатств!

– Да кто так рассуждает? – возмутился Эдгар. – Разве что евреи, с которых наш король Филипп содрал пять тысяч серебряных марок в пользу крестового похода! Но что тут удивляться? Если по их мнению Господь Бог стоит не дороже тридцати монет...

– Увы! – Луи выплюнул ореховую скорлупу и кинул в рот еще горсть орехов. – Слыхал я такие речи и от добрых хри-

стиан. Правда, видывал и храбрых рыцарей, которые теряли голову при виде сарацинских тряпок и драгоценностей. Но добра-то можно наgrabить и не за тридевять земель, если уж так... Ладно, я говорил не о том. Как ни был тяжел путь, мы одолевали его, хотя многие во время этого пути гибли. И при всех лишениях армия продолжала слушаться императора. Помню, как уже в мусульманских землях, вблизи озера с горькой и солоноватой водой мы встретили большое стадо овец. Пастухи, увидав войско, разбежались кто куда, и мы могли бы вволю поесть баранины. Однако Фридрих запретил трогать стадо – он считал, что не стоит ссориться с местными жителями. И ему подчинились, хотя армия голодала! А магометане и не думали платить нам благодарностью. Один из них добровольно нанялся к нам проводником и завел армию на совершенно безводную равнину. Мы с трудом из нее выбрались, потеряв половину лошадей: пришлось жертвовать ими – рыцари резали горло бедным тварям и пили их кровь!

– Не позавидуешь! – Эдгар отложил готовый шлем на стол и взял из рук подмастерья кольчугу. – И после всего этого вы могли сражаться?

Темные глаза рыцаря блеснули под изгибом густых тонких бровей:

– И еще как сражаться! Еще как, Эдгар, дружище! На равнине, вблизи города Икония наше войско, в котором оставалось меньше ста тысяч воинов, разбило в пух и прах армию магометан, в которой было триста тысяч клинков. А как был

взят город Иконий!.. Ты бы видел его – по величине он больше Лиона, а укреплен как! И мы им овладели! Мы добрались бы до Иерусалима всей армией, если бы не смерть старого императора.

– Я слышал об этом, – кузнец продолжал рассматривать кольчугу, звено за звеном проверяя ее плотность. – До нас дошли слухи о походе и о том, как он завершился. Но что приключилось с Фридрихом? Не от старости же он помер, если сумел выдержать такой поход?

Луи покачал головой:

– Мы шли к Киликийскому морю[2], шли вдоль берега реки, которую местные жители называют Салеф. Небольшая такая река, правда, быстрая, но без всяких воронок, водопадов... Сделали привал, и старому императору вздумалось переплыть реку – вскоре ведь должны были переправляться все. Фридрих вошел в воду, поплыл, и вдруг все увидали, как он замахал руками, будто стал тонуть... Кинулись к нему, вытащили. И увидали, что он не дышит! Так вот бывает, Эдгар: выиграл человек сорок с лишним сражений, победил такую кучу врагов, что другие воины умирали от зависти. И вот тебе: утонул в простой канаве!

После этого молодой человек некоторое время молчал, яростно щелкая орехи. Затем уже без прежнего воодушевления рассказал другу о том, как растерялась и рассеялась без великого полководца мощная германская армия, как болезни и бесчисленные нападения врагов уничтожили большую

ее часть, и как он сам, счастливо пережив в Антиохии чумную эпидемию, сопровождал в Тир архиепископа Вильгельма, благополучно пережившего страшный поход, а затем по просьбе достойного священнослужителя сопровождал в Германию группу рыцарей, которых жителям Тира удалось выкупить из сарацинского плена. Многие из этих рыцарей были ранены, иные заболели, не вынеся тяжелой неволи, и Луи почти не надеялся довести их живыми. Однако ему пришлось вновь убедиться в выносливости и мужестве тевтонцев – они безропотно сносили нелегкий путь и постепенно приходили в себя, так что когда в Греции на их караван вновь напала шайка разбойников (трудно сказать, что они намеревались взять с совершенно нищих путников), многие из бывших пленников вместе с франкским рыцарем встретили их с оружием в руках и обратили в бегство.

– Что до меня, – закончил рассказ Луи, – то я получил в дар от сына императора герцога Швабского прекрасного чистокровного коня, того, что стоит сейчас возле твоей кузницы, вместе с богатым седлом и сбруей. А еще большой кошель сарацинского золота. Но почти все это золото я либо растратил по пути, либо роздал германцам, у которых не осталось ни гроша, и которых на родине не ждала богатая родня. Не все же имеют добрых родственников, верно, друг? А я надеюсь еще заработать под знаменами нашего славного короля Филиппа, который наконец-то выступает в свой поход и, может быть, с Божьей помощью добьется того, чего не

сумели сделать германцы – вернет Иерусалим христианам.

– После всего, что тебе пришлось испытать, ты хочешь снова отправиться в поход? – Эдгар спросил это без удивления, чуть насмешливо – он слишком хорошо знал своего друга.

– Как ты знаешь, я не сворачиваю с полдороги! – усмехнулся в ответ Луи.

И, помолчав немного, вдруг испытующе посмотрел на друга:

– Ну а ты? Тебе не хотелось бы попытать счастье и удачу в крестовом походе?

– Мне?! – Эдгар изумленно посмотрел на рыцаря. – Мне пойти в боевой поход? Да разве я воин?

– А разве нет? Разве мы с тобой не упражнялись с мечами в руках, и ты не показывал в этом настоящего искусства? Разве ты не едешь верхом лучше моего? Разве не сможешь на всем скаку всадить копьё в сарацинскую тушу? Видит Бог, ты как раз можешь быть очень хорошим воином, Эдгар!

Кузнец добродушно рассмеялся и взял в руки продолговатый щит с заостренным нижним концом, на котором его подмастерье наметил контуры герба и знамени.

– Какую надпись тебе сделать на этот раз? – спросил он, словно пропустив мимо ушей горячую речь Луи.

Тот пожал плечами:

– Все ту же: «Сражаюсь во славу Креста!» Впрочем, тебе ведь ничего не стоит написать все, что ты сам захочешь:

я кое-как разбираю буквы и немного умею читать, но ту замысловатую вязь, которой ты делаешь насечку, нипочем не прочитаю. Единственное, что тебя отличает от большей части славных рыцарей, это твоя грамотность, дружище Эдгар!

– Да, – вздохнул кузнец, – старый барон научил меня еще кое-чему, кроме воинских приемов. Но он же говорил не раз, что можно сколько угодно размахивать мечом во время всяких там упражнений, однако тот, кто не был в настоящем бою, все равно никакой не воин. Ты в битвах с пятнадцати лет, Луи. А я? Молот в моих руках куда надежнее меча. И у меня отличное ремесло. Так для чего мечтать о битвах и куда-то ехать?

Рыцарь поднялся и в задумчивости прошелся по кузнице, вернее, сделал три шага вперед и столько же назад – больше не позволяло место. При второй попытке пройтись он налетел на одного из мальчиков, качавших меха, и парень от толчка едва не ткнулся коленями в полыхающий жаром горн.

– Аккуратней, Луи! – воскликнул смеясь, Эдгар. – У меня здесь не дворец. И не спихивай в огонь моих учеников: они мне еще пригодятся. Я знаю, о чем ты сейчас думаешь... Ты думаешь – неужто этот здоровяк, мой молочный братец, и впрямь совсем-совсем не хочет выбраться из дымной кузницы и отправиться в далекие земли, чтоб там повоевать, разбогатеть, добиться славы? Неужто он, то есть я, не мучаюсь от мысли, что мой предок – знаменитый рыцарь, а мне вот по воле рока выпало махать тяжелым молотом и ходить с за-

копченной физиономией? Ты ведь об этом думаешь, да?

– Вовсе нет, – Луи вернулся на свое прежнее место и, усевшись на скамью, попытался оттереть полоску гари с рукава своего камзола – на дорогом сукне жирная сажа была особенно заметна. – Вовсе нет, друг. Сейчас я думаю, что здорово измазался об твоего мальчишку... А если быть честным, то ты, верно, считаешь меня лучше, чем я есть. Я соблазняю тебя мыслями о крестовом походе с самой корыстной целью.

– Вот как!

– Да, вот так... И дело не в нашей дружбе и не в том, что мы с тобой – молочные братья.

Эдгар оторвался от работы (он только что начал аккуратно набивать над контуром герба миниатюрную корону) и пристально посмотрел на рыцаря. Лицо у того было так же серьезно, как и его голос.

– Так в чем дело, Луи? А?

Молодой человек вновь встал, шагнул к столу, над которым склонялся кузнец, и произнес совсем тихо, так тихо, чтобы ни подмастерье, ни ученики не могли его услышать:

– Дело в том, что мы с тобою похожи, братец. Не настолько, чтоб нас могли спутать, но если кому-то опишут одного, а он потом увидит другого, то не заподозрит подмены.

И поймав изумленный взгляд Эдгара, рыцарь добавил:

– Я попал в ужасно трудное положение, друг! Несколько дней подряд думал, как из него выпутаться, и вот только сейчас, глядя на тебя, подумал, что выход, пожалуй, есть. По-

моги мне!

Эдгар, не отрываясь от работы, пожал мокрыми от пота плечами:

– Когда же я отказывался тебе помочь? Коль скоро моя мать выкормила тебя грудью, ты – мой брат. А брату не откажешь. Но хотя бы объясни, в чем нужна моя помощь? А то я даже не знаю, что это за дело!

– Будет, будет! Послушай, оставь пока эти узоры и пойдем наверх. Не то у меня от этого скрежета и грохота уже звон в ушах. Да и не хочется ничего говорить, покуда нас кто-то может услышать... А здесь мы не одни.

Глава вторая

Две невесты короля Ричарда

Полчаса спустя молодые люди сидели на втором этаже того же дома, в довольно просторной комнате, служившей кузнецу Эдгару и трапезной, и спальней. Очага в ней не было – в холодное время Эдгар приносил сюда жаровню, которую наполнял углями из своей печи. Зато здесь не было дыма и копоти, и каменные стены оставались чистыми, почти белыми, будто камень только что обтесали.

Всю мебель в этой комнате составляла широкая лежанка, простой тесаный стол, такой же стул да сундук внушительных размеров с роскошным кованым замком – Эдгар в свое время отвел душу, придумывая узоры этого замка, из-за которого его сундук уже не раз и не два пытались купить богатые заказчики, но кузнец в ответ лишь добродушно смеялся: «А где же мне хранить рубашку, камзол и плащ? Посуда, куда ни шло, постоит и на столе, а уж одежду я портить не хочу!»

Луи, усевшись по праву гостя на лежанку и предоставив стул молочному брату, водрузил на стол принесенную из походной сумки бутылку и тут же ее распечатал. Запах тонкого восточного вина залил простую комнату, как утренний свет унылую осеннюю лощину. Эдгар, не смущаясь изысканностью этого аромата, поставил рядом с бутылкой пару глиня-

ных стаканов, оторвал от висевшей под полотком связки две большие луковицы и нарезал их ломтями прямо на столе, потом снял крышку со стоявшего на окне небольшого горшка, вертикально воткнул в него деревянную ложку и тоже поставил на стол.

– Вареных бобов еще сколько угодно! – воскликнул он. – А хлеб – прости, брат, мы сегодня за завтраком съели весь, и я не посылал учеников купить еще – вечером пекарь обычно отдает дешевле, чем утром – черствый-то у него могут и не взять.

– Обойдемся! – махнул рукой Луи, наполняя стаканы доверху. – Во время крестового похода я, знаешь ли, научился есть все, что можно разжевать и пить все, что можно проглотить.

И в доказательство он откусил и с аппетитным хрустом разжевал большой кусок лука, преспокойно запив его вином.

– Допивай! – кивнул он другу на его стакан. – Эту бутылку я вез именно тебе, и грех будет, если мы ее не прикончим.

Но Эдгар покачал головой:

– Я ведь должен сегодня закончить твои доспехи. Или ты хочешь, чтобы у тебя на гербе лев смотрел не в ту сторону, а буквы поменялись местами? Не все же рыцари не умеют читать? Пей, а я пока пропущу. И расскажи, в конце концов, что за дело такое, в котором так нужна моя помощь?

Луи вздохнул:

– Прежде всего, дружище, не удивляет ли тебя, что гер-

цог Швабский, одаривший меня таким роскошным конем с драгоценной сбруей, не добавил к своему подарку доспехи и меч? Разве они меньше нужны рыцарю, чем хороший конь?

Кузнец отхлебнул из стакана, подцепил ложкой несколько крупных бобов и, неспешно их разжевав, ответил:

– Признаюсь, я хотел тебя об этом спросить, но побоялся обидеть. В самом деле, не похоже на ваши рыцарские обычаи...

В темных глазах молодого рыцаря появилось выражение насмешливого лукавства:

– Слава Богу! Значит, ты, по крайней мере, не подумал, будто я пропил свои доспехи на постоялом дворе или заложил у какого-нибудь еврея! Само собой, герцог подарил мне и прекрасную кольчугу, и шлем, и щит с насечками, правда, в виде каких-то сарацинских каракулей, и меч, выкованный из той самой знаменитой дамасской стали, которая так ценится воинами... И вот, представь себе, Эдгар: я, в этом великолепном снаряжении, на моем чудесном абиссинском коне, приезжаю в Мессину[3], куда только что прибыли из Марселя и Генуи войска двух славных королей – нашего Филиппа-Августа и английского короля Ричарда. Честно говоря, я думал именно там, в Мессине, увидаться с французским королем и присоединиться к его армии. Покидать Сицилию вовсе не входило в мои планы.

– А как же немецкие рыцари, которых ты сопровождал на родину? – удивился Эдгар.

– Да неужто не нашлось бы никого, кто проводил бы их дальше? Правда, я бы покинул их только если бы нашел достойную замену, и если бы они против этого не возражали, – тут же спохватился Луи. – Ведь меня просил епископ! Но, в любом случае, я думал условиться с королем о моем возвращении в армию крестоносцев – мне сказали, что в Мессине оба короля простоят лагерем несколько месяцев. И вот я приезжаю и сразу попадаю на турнир, устроенный в честь прибытия двух армий.

– И, само собою, принимаешь в нем участие? – с лукавой улыбкой произнес кузнец.

Рыцарь хлопнул ладонью по столу и потянулся к бутылки:

– А ты как думал? А ты как думал, дружище Эдгар! Турнир был лучше некуда. Я побеждаю сперва барона Филиппа Тулузского, затем рыцаря из Шампани Этьена д'Артуа, потом графа Гийома Пуатьерского. Потом... Стоп! А кто был следующим? А-а-а! Нахальный английский рыцарь Вильгельм, который заявил, что сшибет меня с седла при первом же столкновении. Ну, я за это хорошо попортил его доспехи, да и его башку, кажется, тоже...

– И это все за один день? – изумленно прервал друга Эдгар.

– Ну да. В тот же вечер мне передали приглашение от одной дамы... Ну, тут ты сам знаешь, лишнего говорить не предполагается – или я не рыцарь! А на другое утро турнир продолжился, и я понял, что дама понравилась не мне одному. Не

успел я одолеть первого из противников – это был местный сицилианский барон, имя которого, скажу по чести, я забыл, Эдмунд – это точно, а вот как дальше... Словом, не успел я его вышибить из седла, сломав при этом копье и взяв другое, как меня вызывает на поединок здоровенный детина в очень славных доспехах, назвавшийся Эдуардом Анжуйским. А я по выговору слышу, что он не франк, а англичанин! Но не уличать же рыцаря во лжи... Мы разъехались, сшиблись, и я вылетаю из седла, будто затычка из перебродившей бочки! Рыцарь ждет, покуда я встану, и, смеясь, заявляет, что я кажусь куда смелее с прекрасными дамами, нежели с рыцарями. Вот тут я вышел из себя! И, сам понимаешь, потребовал повторить поединок, благо доспехи на мне были целы... Рыцарь согласился. А я был так распален, что закричал на все ристалище: «Насмерть, господин рыцарь!» «Как вам угодно!» – ответил тот. Герольды стали было спорить, однако он рывкнул на них, да так, что все разом умолкли. Чтoб мне тут и понять – не стали бы все так слушаться простого рыцаря, даже и очень знатного... Ну вот мы сшиблись и полетели с седла оба. Вскидываем, хватаемся за мечи. И он превращает мои роскошные доспехи в бесформенные куски кожи и железа. Даже дамасский меч не устоял – отлетел от рукояти. В жизни я не видывал более искусного воина, более бесстрашного и более быстрого! Я понимал, что он вот-вот изрубит меня в куски, и восхищался им! Наконец шлем на моей голове разлетелся, и следующим ударом рыцарь разру-

бил бы мой бедный череп пополам. Однако он ударил плашмя и притом не особенно сильно. Я упал. Тогда он наклонился и спросил, причем безо всякой злости, и это после того, как только что мы дрались насмерть: «Признаете ли вы мою победу, господин рыцарь?» – «Дурак бы не признал ее! Признаю, конечно». Он напомнил, что после моего вызова победитель вправе распоряжаться моей жизнью, и я вполне его право признал. Больше всего мне хотелось, чтобы все это закончилось и побыстрее. Тут он убрал свой меч от моей груди и спросил: «Готовы ли вы поклясться, что выполните любое мое приказание, если то не будет противу Господа и вашей чести?» – «Закон турнира велит мне согласиться!» – ответил я. «Тогда сегодня вечером ждите моего посланного! И учтите: я не потребовал клятвы, потому что достаточно слышал о вашей честности и безгранично верю в нее».

– Ничего себе приключение! – вырвалось у кузнеца. – А с чего ты решил, что виной всему та дама?

– Да потому, что мне потом рассказали о ней кое-что... Повторять, само собой, не стану. И вот в тот же вечер ко мне в палатку приходит воин и ведет – куда бы ты думал? В стан английского короля Ричарда, прозванного за его отвагу Львиным Сердцем!

На лице Эдгара возникло сперва изумление, потом откровенное недоверие. Он знал, что его молочный брат едва ли станет лгать, тем более, рассказывая о своих боевых подвигах, но, быть может, он сам что-то не так понял...

– Уж не хочешь ли ты сказать, – воскликнул кузнец, – что с тобой дрался на поединке сам английский король?!

Луи помрачнел:

– Я так и думал, что ты не поверишь... Я бы и сам не поверил. Однако это было именно так. Когда он заговорил, я тотчас узнал его голос.

– И чего он от тебя потребовал? – голос Эдгара даже задрожал от возбуждения.

– Вот в том-то и дело! Чего... Он напомнил о моих словах там, на ристалище. Напомнил, что я обязан ему жизнью. Мог бы и не напоминать! И затем, удалив из шатра всех, кто был при нем, рассказал самым дружеским тоном, в какое затруднение угодил.

Тут уже Эдгар не выдержал и рассмеялся:

– Я думал, братец Луи, что в затруднение угодил ты. А выходит, английский король едва не отправил твою душу в рай ради того, чтобы ты вытащил из затруднения его собственную светлую особу?

Луи тоже засмеялся, правда, совсем не так весело, затем налил себе и кузнецу по новому стакану вина и, отобрав у Эдгара ложку, с ожесточением ковырнул вареные бобы.

– У короля и в самом деле дурацкое положение, уж поверь. Он сейчас всеми силами старается сохранить мир и добрые отношения с нашим королем Филиппом-Августом. Не потому, что боится войны с ним – я думаю, он вообще ничего и никого не боится. Но ради крестового похода и осво-

бождения Иерусалима из-под власти султана Саладина. Это – его цель, его мечта, и он не пожалеет для нее ни крови, ни самой жизни. Ради этого он смирил свою гордыню, не стал требовать главенства в войсках крестоносцев, зная, что наш Филипп этого не потерпит. Ради этого согласился жениться на сестре Филиппа принцессе Алисе.

– Бедняга! – искренно посочувствовал Эдгар.

– Да нет, почему? Она, говорят, хороша, и нрав у нее неплохой. Между прочим, поговаривают, что на нее зарился отец Ричарда старый король Генрих, однако он был женат... О ссоре его с сыном болтают много и среди прочего утверждают, что эта ссора была отчасти и из-за Алисы – Львиное Сердце сам хотел жениться на ней. Само собой, в надежде на более прочный союз с Францией и на поддержку Филиппа-Августа в крестовом походе... Но вот, в чем беда: год назад Ричард влюбился. И влюбился так сильно, что не может обуздать своих чувств. Он полюбил принцессу Беренгарию, дочь спесивого дона Санчо Наваррского. И она влюбилась так сильно, что сбежала из дома и явилась в Англию. Да только уже тогда, когда Ричард уехал в Марсель, чтобы плыть оттуда в Мессину. Разъехались, называется! И быть бы шуму, а может, и войне, но у Ричарда ведь дьявольски умная мать – королева Элеонора. Уж не знаю, как, но она сумела умаслить Санчо, уверила, что ее сын связан с принцессой брачной клятвой, и что если та поедет к Ричарду в Мессину, он с ней немедля и обвенчается. А клятву-то Ричард дал вовсе

не Беренгарии, а как раз Филиппу-Августу.

– Ко-о-му?! – ахнул Эдгар, едва не подавившись вином и луком.

– То есть... то есть Алисе, его сестре. Вернее он поклялся Филиппу, что женится на Алисе. Не придирайся к словам, дружище! И вот беда: едва обосновавшись в Мессине, короли вновь стали ссориться. И Ричард понял, что уж никак не хочет родственных уз с нашим добрым королем.

Луи зачерпнул еще бобов из горшка и некоторое время сосредоточенно жевал. Он был голоден с дороги, и Эдгар это отлично понимал, а потому не торопил друга продолжать рассказ, хотя любопытство разбирало его сейчас с особенной силой.

– И вот король Ричард решает, – продолжил наконец Луи, – решает обмануть союзника. Нет-нет, речь не о каком-либо бесчестном поступке! Он просто решил, что если принцесса Беренгария приедет к нему на Сицилию, он будет обязан, дабы не уронить ее чести, совершить обряд венчания и разорвать договоренность с Филиппом. Ведь самой принцессе Алисе он слова не давал! Однако ему нужно все так устроить, будто Беренгария сама приехала, а не он за нею послал. Если же дать поручение любому из английских рыцарей, нет никакой уверенности, что тот не выдаст намерений короля нашему доброму Филиппу – Ричард не раз убеждался в вероломстве некоторых своих подданных. Да и вообще отъезд любого англичанина из Мессины даст повод для по-

дозрений, а последующее появление принцессы Наваррской эти подозрения подтвердит.

Тут Эдгар даже привстал со стула и перегнулся через стол:

– И ты хочешь сказать, Луи, что Ричард Львиное Сердце поручил тебе поехать в Англию за своей возлюбленной, за этой самой Берни... Беренгарной?

– Беренгарией. Да, именно это он мне и поручил. И, клянусь, в этом поручении нет ничего бесчестного и позорящего звание рыцаря. Напротив, можно лишь гордиться таким доверием великого и славного короля. Он даже дал мне с собою свой меч по имени Элистон[4] с тем, чтобы я передал его королеве Элеоноре как доказательство данного мне поручения. Я заказал тебе новый меч, чтобы не оказаться безоружным, когда верну Элистон в Англию.

Эдгар перевел дыхание:

– А если так, что тебя тревожит и смущает, дружище? И в чем тебе нужна помощь?

Луи тряхнул бутылку и вновь наклонил ее горлышко к своему стакану.

– Если бы это было единственное поручение, полученное мною в Мессине, я бы не был смущен. Вся беда в том, что на другой день, когда я уже готовился к отъезду, за мной прискакал посланный от нашего короля.

– От Филиппа?

– Ну да.

И тут догадка молнией озарила сознание кузнеца. Он так

и подскочил за столом:

– Ой, Луи, клянусь всеми святыми! Если бы это не было похоже на выдумку бродячих шутов и на полную глупость, я бы подумал, что добрый король франков тоже поручил тебе привезти в Мессину невесту короля! Свою сестрицу!

И Эдгар, не в силах удержаться, покатился от хохота, едва не свалившись на пол.

Рыцарь меж тем не только не подхватил его смеха, но, напротив того, помрачнел.

– И ничего тут нет смешного, братец мой Эдгар! – произнес он, когда смех кузнеца наконец утих. – Совершенно ничего смешного, потому что ты угадал... Филипп-Август, будучи еще ребенком, знал моего отца, а в последнее время ему наговорили много всего о моих подвигах в походе Фридриха Барбароссы. Немецкие рыцари, которых я провожал, добавили немало подробностей. Словом, Филипп, которому ужасно хочется привязать к себе узами родства строптивного Ричарда, решил поставить того в безвыходное положение – привезти ему невесту. На вот – женись! И я-то, осел этакий, поклялся королю исполнить его поручение, не спросив сразу, что он собирается мне поручить! Думал – речь о каком-то послании во Францию, или о передаче каких-то секретных посланий. Еще порадовался – так и так ехать, а тут как бы еще и поручение от своего короля. Никто, мол, ничего не заподозрит!.. И на тебе! Еще на мече поклялся!..

– На мече Элистоне, который тебе вручил король

Ричард? – уточнил Эдгар.

– А на каком бы еще? – лицо Луи оставалось мрачным, хотя губы уже покривила улыбка. – И вот теперь представь мое положение, дружище Эдгар: я связан двумя клятвами с двумя великими королями. Одна клятва заставляет меня немедленно плыть в Англию и везти оттуда принцессу Наваррскую в жены Ричарду, другая клятва заставляет сопровождать принцессу Алису Французскую, и тоже в жены, и тоже Ричарду, будто он магометанин какой-нибудь, а не добрый христианин! И я должен либо нарушить одну из клятв и поступить бесчестно, либо разделиться пополам, что, как ты понимаешь, не по силам ни одному рыцарю.

Глава третья

Бастард и его отец

Замок барона Раймунда Лионского располагался всего в трех лье от города, но лионцев ничуть не тревожила эта близость. Воинственный барон ни разу не обеспокоил горожан – ему, казалось, не было дела до того, что крестьяне с его земель время от времени сбегали под защиту городских стен и каждый из них, благополучно прожив в городе один год и один день, терял свою зависимость от сеньора[5].

Возможно, старый барон не злился потому, что случалось такое редко – Раймунд был хороший и справедливый хозяин, никогда не требовал лишней дани, напротив, уменьшал ее в неурожайные годы, не пользовался правом первой ночи, хотя хорошенькие крестьянки частенько вздыхали по этому поводу. Он даже позволял селянам собирать хворост в своих лесах, поставив лишь условие, чтобы те семьи, где есть здоровые мужчины, свозили треть хвороста в замок (вдов и стариков это не касалось, что добавляло барону уважения)[6].

Единственной неудержимой страстью барона была охота, и уж если ему случалось гнать оленя или кабана, все знали, что надо бежать с дороги: свора борзых, несущихся впереди охотников, могла сгоряча налететь и на какого-нибудь селянина. Правда, охотники всегда спешили на помощь, но ведь всем известно, что борзая может далеко опередить ло-

шадь... Однажды из-за этого едва не приключилось настоящей беды: собаки напали на крестьянского мальчишку, не успевшего убраться подальше с опушки, по которой неслась свора. Барон Раймунд сам подоспел с хлыстом и, рискуя свалиться с седла, разогнал озверевших собак, однако те успели сильно порвать подростка. Мальчик остался хромым на всю жизнь. Раймунд, дабы искупить свою невольную вину, выдал его матери два десятка серебряных марок, прислал в деревню своего лекаря, а когда мальчик подлечился, взял его к себе на службу. И оказался вознагражден за доброту: хромой Ксавье сделался лучшим сокольничим замка. Он ловил и обучал птиц с необычайным искусством, а на охоте добывал дичи больше, чем трое других сокольничих вместе... Что самое удивительное, юношу полюбили и охотничьи борзые – он был совсем незлобив, быстро забыл свой страх перед собаками, и те привязались к нему и слушались не хуже, чем своих псарей.

Раймунд Лионский, в прошлом воин и непоседа, в последние годы жил уединенно, даже в городе появляясь очень редко. Его старый, с высокими башнями и крепкими каменными стенами замок был надежным убежищем, куда в случае чего могли укрыться и жители деревень. Правда, окрестные бароны знали, что у Раймунда еще и неплохая дружина, знали и о том, что его любит и жалует молодой король Филипп, а потому уже лет семь на его земли никто не нападал – только пару раз разбойничьи отряды, шнырявшие по здешним

лесам, разорили одну-две деревни, но их быстро отлавливали: порядок чаще всего наводил даже не барон Раймунд, а мэр Лиона – разбойники угрожали купеческим караванам, и большой ремесленный город не мог терпеть их соседства. Ополченцы окружали лес и гонялись за лихими людьми до тех пор, пока их не истребляли.

Раймунд был вдовцом. Оба его сына тоже умерли – один во время эпидемии оспы, другой при очередной военной стычке короля Франции и герцога Бургундии. Дочь барона, удачно выданная замуж за дальнего родственника короля, жила в Париже, и отец видел ее редко. Из всей родни с ним жила старая ворчливая свояченица, которую он терпел ради памяти о горячо любимой жене.

Правда, у барона был и еще один сын. Сын, которого он любил, которым гордился, и которого не мог сделать своим наследником...

В этот день Раймунд в отличном расположении духа возвращался с охоты. Добыча была хороша, это веселило охотника, и мысленно он уже представлял пир, который устроит, вернувшись домой. Накануне купцы, ехавшие на Лионскую ярмарку, пересекая земли барона, уплатили ему неплохую дань[7], среди которой было и три бочки отменного кипрского вина. С жареной дичью оно будет куда как кстати... А если еще Флорестина, его бойкая и веселая кухарка, догадалась напечь побольше хлеба (а уж она наверняка догадалась, ей ли привыкать угадывать всякое желание сеньора!), то бу-

дет чем порадовать псарей (их было трое), четверых сокольничих и пятерых дружинников, которые разделили с бароном радости охоты.

Они ехали к замку по неширокой дороге, что пролежала от опушки и шла посреди вспаханного и засеянного поля. Раймунд зорко следил, чтобы охотники, увлекшись, не топтали его хлеб: легко ли требовать полной дани, когда старосты деревень приходят жаловаться на потраву?

Замок уже вырос за изгибом некрутого холма, и барон с удовольствием смотрел на его высокие и мощные стены, оценивая их неприступность, любясь прямоугольными угловыми башнями, нависающими надо рвом, широким, как настоящая река. Этот ров копали по приказу его прадеда, знаменитого Эдгара из Оверни, который получил замок в дар за свои подвиги в первом крестовом походе.

Завидев охотников, старый стражник Жюстен спустился на переходную площадку угловой башни, повернул рычаги подъемного моста, и широкий деревянный настил со скрежетом и лязгом опустился почти к самым ногам всадников.

– Сто раз говорю тебе, болван: крути медленнее и опускай мягче! – заорал Раймунд, придерживая коня перед мостом и что есть силы задирая голову. – У тебя мост не опускается, а чуть ли не падает! Учти, висельник, – треснет хоть одна доска, заставлю поменять за одну ночь. Тебя заставлю, старый олух!

Эта ругань не производила на воина ни малейшего впечат-

ления. Он отлично знал, что сеньор не полезет на верхнюю площадку башни, а до вечера, когда он, Жюстен, сменится и спустится во двор ужинать, хозяйский гнев двадцать раз пройдет. Да и мост этот переживет, надо думать, их обоих...

Внутри замок выглядел как и почти все подобные ему замки. Центральная каменная постройка, внизу которой были две просторные комнаты, предназначенные для дружины и охотников, а на втором этаже обитал сам хозяин, занимала основное место. Рядом с нею лепились открытые конюшни, деревянный свинарник и загон для овец. Слугам полагалось жить в лачужках, пристроенных к западной стене замка, однако хитрая Флорестина, двое пастухов и свечник давно перебрались в нижнюю часть одной из башен, более теплую и уютную, а лачуги служили для хранения хвороста, сена и всяких хозяйственных мелочей.

Мона Бертрада, свояченица барона, жила, как и он, во втором этаже замка, завладев комнатой покойной сестры и поселив туда же свою служанку, такую же, как она, сухошавую и злющую старую деву. Раймунд старался как можно реже с ними встречаться, а потому, вернувшись с охоты, входил в свои покои не по основной, а по внешней лестнице, которая вела прямо в центральный зал.

Этот зал представлял собой огромное помещение с необычно высоким потолком, по той причине, что над ним не было третьего этажа, и потолок его был собственно кровлей, которую поддерживали мощные бревенчатые стропила.

Отверстие, через которое выходил дым большого очага, сооруженного возле одной из стен, в дождливые дни прикрывалось деревянной створкой. Через высокие и узкие слюдяные окна проникало не так много света, и зал обычно бывал полутемен – только в дни пиров, которые Раймунд устраивал не так уж часто, сюда вносили пару десятков больших восковых свечей. Каменный пол был всегда усыпан травой, и летом траву меняли каждый день – об этом заботилась Флорестина, а потому в зале стоял свежий запах летнего луга и вянущих скошенных цветов.

Посреди зала тянулся длинный дубовый стол с поставленными вдоль него скамьями и всего несколькими стульями – то и другое было покрыто овчинами, носившими следы пролитого вина и воска. Пара больших ларей, кованый сундук с замысловатым замком да висящий на стене щит с родовым гербом Раймунда Лионского довершали убранство. (Впрочем, хозяину приходилось бывать при дворе короля, и он знал, что замок его величества Филипа-Августа, хотя и богаче, но не намного роскошнее).

Отдав слугам распоряжение готовить дичь к ужину, барон вошел в зал, на ходу стаскивая кожаную куртку и сбрасывая на скамью охотничий рог и арбалет.

– Приветствую тебя, благородный Раймунд! Судя по всему охота была удачной?

Этот возглас, прозвучавший в большом пустом зале особенно гулко, привел старого барона в полное замешатель-

ство.

– О, Боже! Эдгар? Откуда ты взялся?

Молодой лионский кузнец поднялся навстречу хозяину. До того он сидел, развалившись на овечьей шкуре, прямо возле холодного, в тот день не горевшего очага. Собираясь в замок, молодой человек, как мог, отмыл сажу со своих рук и лица, снял кожаный фартук и надел полотняную рубаху, которую опоясал широким кожаным ремнем. Этот простой наряд шел к нему, подчеркивая красоту его мощной фигуры и необычайное для простолюдина благородство лица. Светлые волосы, густые, пышные и длинные, как у рыцаря, опускались локонами на широкие плечи.

Барон, подойдя, обнял юношу за плечи и знаком предложил снова сесть, после чего и сам уселся на пол, на те же овчины.

– Откуда взялся, спрашиваешь? – улыбнулся кузнец, видя полное недоумение хозяина. – Да разве так уж трудно сюда войти?

– Но мост был поднят. И мне никто не сказал, что его опускали.

Эдгар рассмеялся:

– Никто его и не опускал. Ров я переплыл на доске – видишь, даже штаны не замочил, а потом поднялся по стене в том месте, где, как ты рассказывал, сто лет назад сгорела осадная башня бургундцев и, рухнув на стену, оставила на ней столько выбоин. Влезть в этом месте ничего не стоит.

Раймунд только развел руками:

– Да ты кошка какая-то! Не думаю, чтобы еще кому-либо в наших краях удалось нечто подобное. И старый олух Жюстен не заметил с башни, как ты лезешь в замок, будто ночной воришка?

– Только не брани его! Да, он меня не заметил, но я ведь лез с той стороны, которой с его башни не видно. Ставь второго стражника, господин барон, если хочешь, чтобы твой замок был неуязвим.

Раймунд Лионский смерил молодого человека взглядом, в котором удивление мешалось с восхищением.

– Я был таким же... Таким же сумасшедшим в двадцать лет.

Эдгар продолжал смеяться:

– Думаю, и в тридцать. Да и сейчас, в шестьдесят два, ты, по-моему, такой же.

– Возможно, возможно, мальчик. Но, боюсь, сейчас мне уже не влезть по стене. Да и прежде у меня не было такой ловкости. Ты вырос под стать своему прославленному прапрадеду Эдгару Овернскому, герою первого крестового похода. И как мне жаль, как же мне жаль, мальчик, что я не могу объявить тебя наследником нашего рыцарского рода!..

Это восклицание вырвалось у барона против воли. Тут же он быстро посмотрел на Эдгара, опасаясь, что вызвал у него обиду, но молодой человек смотрел на отца тем же ясным и безмятежным взглядом.

– У тебя ведь были наследники. Не твоя вина, что Господь Бог взял их к себе. И ведь ты любил их мать.

Раймунд вспыхнул будто юноша:

– Твою мать я тоже любил. Я бы женился на ней, не будь так упрям покойный король, мой родственник.

– Полно, отец, полно! Кто бы принял женитьбу знатного рыцаря на дочери кузнеца?

– Какое мне дело до чьего-то мнения?! – в гневе воскликнул барон. – Я ни у кого не спрашивал и не спрашиваю, как поступать. Другое дело – король. С ним я связан обетами и клятвой верности – его запрет значил многое. Думаю, у него была мысль женить меня на одной из своих племянниц, которую до тридцати пяти лет не удалось выдать замуж. Слава Богу, она умерла! Вот уж счастье-то было бы – жениться на старухе!.. Ну, а потом заупрямилась твоя мать...

Лицо старого барона при этом выразило искреннюю печаль, и Эдгар улыбнулся ему:

– Мама знала, что тебе это может повредить. И я был уже большой, дед учил меня своему ремеслу, обещал передать цех[8], что потом и сделал... А кто я был бы, даже женись ты на маме? Перед людьми все равно бастард, незаконнорожденный. А так у меня есть все, что нужно, да и ты дал мне сколько мог. Только сегодня Луи восхищался, какой я грамотный, как много знаю, как славно дерусь на мечях и вообще заявил, что я мог бы быть отличным рыцарем.

– Луи? – барон оживился. – Он вернулся? Значит, жив?

– Да, слава Богу! Хотя ему пришлось испытать столько бед, что я диву даюсь его выносливости. Послушай, отец, у нас с ним был очень странный и необычный разговор, и мне сейчас предстоит решить для себя важный вопрос. Но перед тем я хотел бы поговорить с тобой.

Старый барон насторожился:

– Руку дал бы на отсечение, не будь их у меня всего две, что этот малый подбивает тебя отправиться с ним в новый поход! Ведь король Филипп вот-вот отбудет с войсками в Сицилию, чтобы затем выступить на Иерусалим, и наверняка Луи Монтрей отправится с ним вместе. Нипочем не поверю, что тяготы похода с Фридрихом отбили у него охоту сражаться!

Эдгар кивнул:

– Ты прав, отец, прав. Что до меня, то я никогда не думал о такой возможности. Не пристало простолюдину мечтать о славе рыцаря.

– Ты не простолюдин! – резко возразил барон.

– Ну полупростолюдин, а это куда хуже. Лошадь есть лошадь, осел есть осел. А мул что такое? Недаром у мулов не бывает потомства.

Такие слова вырвались у Эдгара впервые в жизни. Он никогда ни о чем подобном не думал, никогда не сетовал на свое происхождение, никогда и никого ни в чем не упрекал. Казалось, его самого поразила неожиданная мысль. Он покраснел и бросил на отца взгляд, в котором смешались сму-

щение и раскаяние – меньше всего юноша хотел обидеть старика. Тот, однако, не смутился.

– Я знал, что рано или поздно ты станешь об этом думать. Тем более, что твой молочный брат – рыцарь, и вы с детства так близки. И что же? Ему удалось тебя уговорить?

Эдгар покачал головой:

– Если бы он мне предложил, к примеру, стать его оруженосцем, я бы, думаю, отказался. Мое ремесло мне нравится куда больше. Но он... он... Словом, я должен помочь ему в одном деле, и возможно, это откроет для меня новые возможности. Хотя все это и небезопасно.

– Что не безопасно? – не без тревоги спросил старый барон. – Что такого предлагает тебе Луи? Ох, чует мое сердце, он затеял какое-то безумное предприятие...

– Возможно, отец, возможно. Но что-то в этом есть!

– В чем? Ты мне расскажешь, что такое вы задумали, или будешь и дальше говорить загадками?

Эдгар улыбнулся. Ему нравилась горячность отца, она лучше всего прочего доказывала, что старый барон любит незаконного сына и дорожит им.

– Расскажу, – пообещал юноша. – Все расскажу тебе, но прежде мне нужно кое-что для себя решить. Помнится, ты обещал мне рассказать историю нашего знаменитого предка. Правда ли, что Эдгар из Оверни, твой прадед, тоже не родился рыцарем?

Барон встал и жестом пригласил сына тоже встать:

– Не совсем так. Не совсем так, мальчик. Рыцарем стал отец Эдгара, прославившийся воинским искусством и доблестью. Однако его сын так преумножил эту доблесть и славу, что из простого рыцаря, без имени, без достатка, без всяких привилегий превратился в одного из самых знаменитых людей Франции. Я давно хотел показать тебе записи, которые он оставил. Он ведь тоже был грамотным человеком. И тебе не лишнее узнать еще одну историю о первом крестовом походе. Однако, прочитав то, что я тебе дам, ты расскажешь мне о затее Луи. И потом мы поужинаем. Согласен?

– Еще бы! – воскликнул кузнец весело. – Ты ведь вернулся с охоты и уж явно не с пустыми руками. А я хоть и поел с утра, к вечеру уж точно проголодаюсь. Однако же ты, скорее всего, уже сейчас хочешь есть?..

– Не хочу! – возразил Раймунд. – Или ты забыл, что я люблю пробовать добычу прямо на охоте? Мы сегодня загнали кабана, и я сам всадил ему стрелу в сердце. Это было уже под конец охоты, и как было устоять перед искушением? Мы вырезали зверю печенку, поджарили над костром и съели по куску. Так что можно спокойно ожидать, покуда Флорестина без спешки приготовит ужин. Идем!

С этими словами барон прошел из зала в смежную комнату, служившую ему спальней, и, открыв большой старый ларь, вытащил оттуда толстую, переплетенную кожей книгу.

Глава четвертая

Во славу креста

«Ныне, в год одна тысяча двести двадцать четвертый от Рождества Христова, когда минуло двадцать пять лет со времени событий, о которых я хочу поведать потомкам, пришло радостное известие, что в своем логове умер свирепый зверь, более тридцати лет наводивший ужас на весь Восток. Мусульмане называли его демоном во плоти, а его слуг „стрелами шайтана“. Хасан ас-Саббах сгинул в преисподнюю! И как бы хотелось верить, что с его кончиной исчезнет и страшная община, которую он волей Врага рода человеческого создал и столько времени возглавлял!»

Красный! На ярком солнце песок красный! Словно горит! Переведя дыхание, Эдгар глотнул воды и передал флягу Салеху.

Сам между тем снял шлем, приподнял с шеи железную бармицу[9] и промокнул платком струйки пота. Пот, однако, потек еще обильнее.

– Сок твоего тела смягчает жар! – улыбнулся Салех и откинул с лица широкий конец тюрбана. Лицо араба было почти коричневое, а в рамке короткой черной бороды казалось еще темнее. Зато зубы юноши сверкали белизной.

– На дороге никого! – обеспокоенно проговорил он, глянув на полосу утоптанной земли, белеющую меж краснова-

тых пятен песка.

– Дорога пуста, – согласился рыцарь Эдгар, удерживая коня. – Тебя это тревожит, Салех?

– Не зови меня так! – Молодой араб вновь улыбнулся. – Я принял веру Христа, и теперь мое имя – Иоанн! Да, если она опустела, значит, в Мосуле что-то стряслось!

Эдгар посмотрел на юношу.

– Ты думаешь, нам лучше туда не ехать? Но я не могу нарушить приказ Балдуина! Эмир Али-Аласар обещал нам хлеб, лекарства и соль. От этого зависит продолжение похода к Иерусалиму.

– Знаешь что? – Салех-Иоанн глянул из-под руки на пустынный горизонт. – Позволь, я доберусь до города и разузнаю, как там дела. Ты поедешь следом, сделаешь привал возле колодца. А вечером я прискачу к тебе.

Эдгар нахмурился:

– Не в обычае это рыцарей...

– Да, да, я знаю! Но твоя задача слишком важна. Никто не считает льва трусом оттого, что он караулит в засаде.

– Хорошо, – вздохнул рыцарь. – Но, прошу тебя, до заката будь у колодца.

... Шум раздавался за холмом, возле которого, как он полагал, находился колодец. Ухо воина уловило знакомый лязг железа.

– Салех! – воскликнул молодой человек и пустил коня вскачь.

Однако он ошибся. Сражение и впрямь шло, но его друга там не было. Десятка полтора всадников, одетых в черное, обступили четырех воинов. Те отбивались, хотя силы были слишком неравны. Несколько тел уже распростерлись на песке – потери понесли и те, и другие...

– Сарацины! Проклятые разбойники! – прошептал Эдгар, узнав черных всадников. – Но кого они грабят?

Один из защищавшихся обернулся, и рыцарь рассмотрел его щит с алым полумесяцем и двенадцатиконечной звездой.

– Воины эмира Али-Аласара! – Крестоносец, выхватив меч, бросился вперед.

Среди крестоносцев гремела молва об отваге молодого барона Эдгара из Оверни. Он вырос в седле с оружием в руках. Спустя полчаса десятеро сарацин лежали пораженные, оставшиеся обратились в бегство. Но и из воинов эмира в живых остался лишь тот, на чьем щите красовались звезда и полумесяц.

– Я твой должник, христианин! – Крикнул воин, поворачиваясь к Эдгару.

Тут черная тень метнулась возле камней и копье вонзилось в спину араба, сбив его с седла на землю.

Эдгар не стал поддерживать упавшего – он видел, что рана смертельна. Всадник помчался к скалам и спустя несколько мгновений меч рыцаря рассек голову сарацина.

Спешившись, крестоносец вернулся к месту битвы и наклонился над умирающим. Холодеющая рука сжала запястье

француза.

– Пре... ду... преди отца! Это – слуги Старца Горы... Он узнал, что мы помогаем христианам... Я – Абу-Карим, сын эмира...

– Бедный юноша, почти мальчик, – вздохнул рыцарь, вглядываясь в лицо араба. Эдгар перекрестился и закрыл убитому глаза.

Конь Эдгара заржал. Молодой человек вновь выхватил меч, прыгнул в седло... И едва не опоздал! Всадник мчался на него, уклониться от столкновения было невозможно. Они сшиблись, скрестив мечи. Рассмотрев противника, крестоносец понял, что это не сарацин. По одежде и вооружению он больше походил на подданного эмира Али-Аласара.

– Что тебе надо? – крикнул Эдгар. – Мы не враги!

– Ты убил моего брата, неверный пес! И ты умрешь!

В это время конец тюрбана, прикрывавший лицо всадника, упал, и крестоносцу показалось, что погибший Абу-Карим восстал – юный воин был его копией!

Француз осадил коня:

– Это не я! Клянусь Девой Марией, я сражался на стороне Абу-Карима против сарацин и пытался спасти его, но врагов было слишком много!

Юноша опустил руку с мечом.

– Кто ты такой?

– Эдгар из Оверни, рыцарь Святого Креста. Меня послал к эмиру Мосула Али-Аласару благородный Балдуин, первый

меж рыцарями.

– Можешь не спешить, – отозвался араб. – Эмир убит семь дней назад. Мой брат Карим не знал этого – отец послал его с посольством в Басру, и он как раз возвращался оттуда...

Юноша соскочил с седла и подошел к телам убитых сарацин. Его лицо выражало не гнев, а беспредельное отвращение.

– Берегись!

Эдгар заметил, как один из лежащих привстал, и в воздухе сверкнуло лезвие. Рыцарь взмахнул мечом, клинок отбил нож, и тот лишь скользнул по виску араба.

– Собака! – крикнул брат Карима.

Сабля с изогнутым концом взметнулась, опустилась – и голова сарацина покатилась по земле.

– Ты спас мне жизнь, – проговорил юноша. – Хотя лучше бы ты успел спасти брата.

– У тебя кровь на лице. – Эдгар соскочил с седла и подошел к воину. – Дай я ее остановлю. Не то при такой жаре... – Он умолк, слова застряли у него в горле. Нож не только оцарапал висок воина, но и зацепил бороду. И... левая часть бороды повисла, как тряпица. На щеках воина, гладких, бархатистых, никогда не росли волосы!

– Что так смотришь? Или тебе неизвестно, что на женщину-мусульманку смотреть нельзя?

– А носить мужскую одежду, ездить в седле, выходит, можно? Ты чуть не убила меня, а теперь решила вспомнить

о стыдливости! Кто ты такая?

– Абриза, дочь эмира. Мы с Каримом – близнецы. И у нас еще трое братьев и две сестры. Теперь остались только я и Лейла. Остальных убили эти шакалы.

– Кто они? – Эдгар приложил к ране девушки платок. – Я думал – обычные грабители-сарацины.

– Сарацины, но необычные. Ты слышал когда-нибудь слово «ассанины»?

Рыцарь изумленно посмотрел на девушку.

– Вот как! Да, слышал. Говорят, это общество безумцев – малочисленное и замкнутое.

– Малочисленное? – Абриза усмехнулась. – Никто не знает, сколько их на самом деле. Кто говорит, что пятнадцать тысяч, кто насчитывает пятьдесят. Их вождь Хасан ас-Саббах обитает в горах Персии, в тайном убежище, но его люди рыщут повсюду... Они называют себя воинами Аллаха, а на самом деле это просто убийцы, коварные и безжалостные! Старец выносит смертные приговоры всем, кто не подчинится его воле...

– Значит, убийства, о которых с таким страхом говорят мусульмане...

– Не только мусульмане, рыцарь! «Стрелы шайтана», как называл их мой отец, добираются и до христианских правителей. Отец заключил союз с Балдуином и тем обрек себя на смерть... Я была на охоте, а вернувшись, нашла убитыми отца, мать, братьев, одну из сестер... Лейла спряталась в

конюшне. И они называют себя мусульманами! Разве воины Аллаха воюют с женщинами и детьми?!

– Но если их вождь обитает в Персии, кто приказывает ассасинам здесь? – спросил Эдгар.

– Уже никто. – Лицо Абризы исказила ярость. – Их вождя в Мосуле звали Хаттаб-аль-Ахмад. Он убил отца – это мне рассказал один из наших рабов, успевший бежать из дворца.

– И что ты сделала?

– Что же делать, если в доме не осталось мужчин и брат был далеко? Надела мужскую одежду, разузнала, где обитает Хаттаб, и пришла к нему якобы для того, чтобы вступить в общину. Через три дня Хаттаб умер, а я скрылась. Но погубила брата. Думаю, они решили, что в их логово проник именно Карим.

Рыцарь пожал плечами:

– В таком случае дьявол помрачил их разум! Они могли бы догадаться, что, находясь в Басре, Карим не мог убить их предводителя. Но теперь, скорее всего, они станут охотиться за тобой.

Девушка усмехнулась:

– Вряд ли. Они не поверят, что это могла проделать женщина. В опасности сейчас ты. Вернее, вы все.

– О какой опасности ты говоришь?

Несколько мгновений она колебалась.

– Я не понимала отца и его симпатии к крестоносцам. И не стала бы помогать. Однако ты спас жизнь мне, пытался

спасти Карима. Поэтому я расскажу, что мне удалось разузнать, пока я жила в логове Хаттаба. Дело в том... Эй, кто это скачет?

– Салех, мой друг. Он несет весть о гибели эмира.

Араб спешился и оглядел поле битвы. Потом перевел взгляд на рыцаря.

– Кажется, мне уже нечего рассказывать?

– Ты угадал. Собери сухих веток и травы. Похоже, нам придется заночевать здесь.

Абриза покачала головой:

– Я бы не стала этого делать. Ассасины хватятся своего отряда, а их логово не так далеко отсюда, и их там почти пятьсот воинов. К тому же вам лучше поспешить. Крестоносцы в опасности.

Оба молодых человека с изумлением посмотрели на нее.

– Хаттаб по велению Старца Горы готовится уничтожить чужеземцев, – сказала дочь эмира. – Он узнал, что между французскими и нормандскими предводителями не раз уже возникали распри. Ассасины этим воспользуются. Завтра утром отряд французов будет атакован людьми, одетыми как нормандцы. Тучи пыли помешают рассмотреть их лица, и они уничтожат десятки воинов прежде, чем те успеют опомниться. Затем найдутся французы, которые укажут Балдуину «виновников» нападения. Начнется ссора, а покуда она длится, под покровом ночи ассасины убьют Балдуина. Я знаю в лицо тех двоих, кто должен это сделать. Но прежде

нужно предупредить французов о нападении. Их поджидают за разрушенным городом, в русле пересохшей реки.

– Беда! – Салех посмотрел на солнце. – Пока мы возвращаемся, «стрелы шайтана» успеют напасть, и мы подоспеем, когда уже будет поздно!

– Скачи один! – воскликнул Эдгар. – Я поеду к развалинам и задержу этих шакалов!

– Я с тобой, – возразил юноша. – Иоанн не оставит брата. Может быть, ты, прекрасная дочь эмира, выручишь нас, раз уж решила помочь христианам?

– Я бы лучше сражалась. Но, действительно, кто-то должен поехать к крестоносцам, тогда они успеют прийти на помощь. Только дайте мне что-нибудь, какую-то вещь, которую рыцари знают. Тогда они поверят, что я послана Эдгаром.

Молодой человек снял с шеи и протянул ей овальную серебряную пластинку на кожаном шнурке.

– Вот. Этот образок дал мне отец. Его видели и Балдуин, и многие рыцари.

Девушка с любопытством посмотрела на медальон.

– Кто это?

– Дева Мария, мать Христа. Не потеряй. Это – самое дорогое, что у меня есть.

* * *

К утру конь стал оступаться – вот-вот упадет. Абриза на-

клонялась у его уху и шептала ласковые слова. Но благородный жеребец и так делал все, что мог. Его силы были на исходе, а первый отряд воинов Креста должен был показаться за холмами только после восхода.

Девушка поздно заметила десяток всадников, появившихся вовсе не с той стороны, откуда двигались крестоносцы. Цвет их одежд был хорошо различим на фоне светлеющего неба... Ассасины! На поиски убийцы Хаттаба отправился не один отряд!

Гудящие стрелы разбойников пролетели справа и слева Абризы. Отважная наездница ударила коня хлыстом. Но черные убийцы настигали. Одна из стрел вонзилась в шею горячего скакуна, другая царапнула правую руку девушки. Она подняла ее к лицу – серебряный овал светился на ладони, как звездочка.

– Помоги мне, Дева! – прошептала Абриза. – Рыцарь Креста дорог мне... Сделай так, чтобы я после смерти могла встретиться с ним!

Обернувшись на крик, девушка увидела, что конь под одним из преследователей рухнул. Остальные, чтобы не налететь на упавшего, осадили жеребцов. На горизонте внезапно возникла длинная цепь всадников, и сарацины, увидев их, тут же унеслись прочь.

* * *

«А так как встретиться на том свете мы с вашей матерью могли лишь в том случае, если бы она приняла нашу святую веру, Дева Мария вняла мольбам Абризы – она уцелела, поведав Балдуину о грозящей беде и о том, что мы с Салехом приняли неравный бой. Французские воины тотчас поскакали нам на помощь и разбили ассасинов. Абриз у крестил епископ Валентин, дав ей имя Мария. Он же вскоре обвенчал нас. А когда воины Креста овладели Гробом Господним и Балдуин избрали королем Иерусалимского королевства, я с женою вернулся в Овернь. Мой друг Салех женился на Лейле, которая в крещении стала Луизой, и они поселились в Эдессе, откуда я и получил известие о смерти самого ужасного из убийц, коих знал Восток».

* * *

Глава пятая

Малыш Ксавье

Уже вечерело, когда отец и сын вновь вышли в большой зал баронского замка. К их удовольствию, Флорестина, даже не спрашивая хозяина, уже собрала на столе ужин, состоявший частью из охотничьих трофеев старого барона: кухарка испекла в очаге кабанью ногу и изжарила на вертеле зайца, выбрав самого упитанного. Охотники настреляли их штук шесть, еще трех принесли собаки. Кроме дичи, Флорестина подала каравай отлично испеченного пшеничного хлеба, горшочек вареной репы и миску спелых слив. Принесла она, конечно и большой кувшин вина, нацеженного в одном из двух хозяйских винных погребов.

— Гляди-ка, все дымится! — воскликнул Раймунд, с удовольствием усаживаясь на стул и оглядывая расставленные перед ним яства. — И как только эта девчонка ухитрится угадать, когда именно я окончу дела и пойду трапезничать? Вот уж служанка так служанка!

— Она, видать, чувствует тебя сквозь стену, отец! — расхохотался Эдгар, все еще находившийся под впечатлением прочитанной рукописи и от того не сразу заметивший появившееся на столе богатство. — Право, не говори никому про эту особенность Флорестины, не то ее еще сожгут когда-нибудь на костре за колдовство. То-то я замечал, что она иной раз

сидит на окошке кухни да расчесывает волосы[10].

– А как иначе? – возмутился барон, отлично понявший шутку сына, но все равно немного обиженный. – Они у нее такие длинные и густые, что их нужно расчесывать каждый день. А что на окошке, так оно и понятно – в кухне-то не пристало трясти волосами! Ну-ка будь любезен, сынок, отрежь мне кусок побольше от этой кабаньей ляжки!

Эдгар, не раздумывая, подхватил нож и, держа здоровенную ногу на весу, одним ударом рассек ее пополам, да так ловко, что толстая и наиболее аппетитная половина упала прямо на тарелку старого барона.

– Ловко! – улыбнулся Раймунд. – Право, начинаю верить, что ты сможешь стать неплохим воином, хотя для этого мало быть ловким рубакой. Но мне все равно не по душе затея Луи... Он влип в дрянную историю и втягивает туда же тебя. Ему может сойти с рук обман короля, тем более, что нашего доброго Филиппа он обманывать и не собирается, а короля Ричарда собирается обмануть с твоей помощью, так что когда все раскроется, виноватым ты и окажешься. И что тогда будет? Ты ведь не рыцарь! Представляешь, как разозлится Ричард?

Эдгар отрезал хлеба и принялся за свою половинку око-рока, заедая мясо кусочками каравая и прихлебывая вино из большого серебряного кубка.

– Луи надеется, что обман удастся скрыть, – проговорил он. – Ведь ни Ричард Филиппу, ни, тем более, Филипп

Ричарду не говорили о поручении, данном моему молочному брату. Если оба поручения будут исполнены, то каким образом каждый из королей узнает, что даны они были одному и тому же человеку?

Тут уж Раймунд вспыхнул:

– Но ведь Ричард Львиное Сердце не примет тебя за Луи! Как бы вы ни были похожи, вас носила под сердцем не одна и та же мать и не в единый час родила. Вы не близнецы.

– Да не будет он меня разглядывать! – махнул рукой молодой человек. – И уж я постараюсь смастерить себе шлем, чтоб получше закрывал лицо. К тому же, увидав свою ненаглядную Беренгарию, или как там ее, король, полагаю, вообще перестанет замечать всех остальных людей. Он и Луи-то видел всего два раза – на том злополучном турнире, да потом в своем стане.

Барон покачал головой, продолжая, тем не менее, с аппетитом уплетать кабанину и уже в третий раз наполняя свой кубок, в то время, как Эдгар не допил и первый.

– Вижу, ты уже принял решение, мальчик мой! – вздохнул Раймунд. – Принял, не выслушав прежде моих советов. Небось, уже и дал обещание этому сумасшедшему?

– Это ты о Луи так? – обиделся юноша. – Ну да, я дал ему обещание. Как я мог не выручить его из беды? Он не просто мой молочный брат, но и единственный близкий друг. Я не рыцарь, это верно, однако дружба священна и для меня.

– Сам виноват – сам бы из своей беды и вылезал! – бурк-

нул сердито Раймунд. – Ну ладно, а чего же ты, в таком случае, хочешь от меня?

Эдгар ответил не сразу, смущенно вертя в руках уже почти доглоданную кость. Потом поднял на отца ненадолго опущенные глаза:

– Ты говорил однажды, что если понадобится, сделаешь для меня все. Все, что отец сделал бы и для родного сына...

– Говорил, – барон смотрел на юношу в недоумении и вдруг понял: – А-а-а! Ну, конечно... Тебе нужно снаряжение. Вряд ли у тебя есть на это деньги. И, надо думать, у Луи их тоже нет? В своем походе он ничего не заработал?

Эдгар махнул рукой:

– Он получил полный кошель от герцога Швабского, но роздал все германцам, которых выкупили из плена, и которых ему пришлось сопровождать. Правда, он получил другой кошель – от короля Ричарда, но ведь нужно было заказать новые доспехи... Я с него много не взял, но бесплатно он работу бы не принял. А оставшееся братец Луи честно делит меж нами двоими, и получается совсем немного. Скупердйай Филипп-Август обещал заплатить лишь тогда, когда будет исполнено его поручение, видимо, думая, что Господь посылает рыцарям манну небесную! Разумеется, я сам себе сделаю доспехи и оружие – у меня хватит и железа, я как раз закупил впрок. И Гийом, мой подмастерье, которому я на это время оставляю кузницу, кое что за железо отдаст. Но мне никак не купить хорошей лошади, седла и сбруи. Выру-

чай, отец!

Барон нахмурился, качая головой.

– Само собой, я дам тебе коня. И мое лучшее седло. Помнишь, то, немецкой работы, которое мне подарил еще прежний король? Дам и уздечку из фламандской кожи, и все прочее, что нужно. Хотя и не хочу всем сердцем, чтобы ты ехал в эту проклятую Англию, к этой хитрой ведьме королеве Элеоноре. Вот уж кто колдунья так колдунья! Ей теперь под семьдесят лет, а кто ее видел, говорят, что она до сих пор хороша, и в нее влюбляются рыцари и менестрели! Разве без колдовства такое бывает? Но в этом случае как раз ты имеешь преимущество над законным сыном – законному я мог бы запретить эту безумную поездку, а тебе не могу. И дам мое благословение, к которому прибавлю горсть серебра – я не богат, но уж что наберу...

Кузнец слушал, снова опустив голову. Ему было стыдно перед отцом, и он отлично понимал, что старый барон прав. Но теперь дело было не в одном лишь дружеском долге. Рукопись знаменитого Эдгара из Оверни, его легендарного прапрадеда, всколыхнула в юноше чувства, которых он не испытывал никогда – будто подземный источник вырвался из долгого плена на поверхность и бурными струями устремился в новое неведомое русло. Кузнец Эдгар вдруг обнаружил в себе незнакомые прежде волнение и жажду – он думал о подвигах, битвах, приключениях и понимал, что всю жизнь лишь внушал себе, будто они ему не нужны и не интересны.

В его жилах текла кровь прославленного рыцаря, великого воина и героя, и он не мог справиться с ее зовом. Далекий Иерусалим, Гроб Господень, знойные пустыни, сабли сарацинов, изнуряющие походы, битвы, – все это уже не казалось далекой сказкой, увлекательной, но не манящей. Юноша спрашивал себя: «Могу ли я?» И сам себе отвечал: «А отчего же нет?»

– Спасибо тебе, отец! – от всего сердца воскликнул Эдгар. – Спасибо тебе! Это не так: у тебя есть право запретить мне ехать, ты ведь никогда от меня не отрекался... Но разрешение уже дано. И еще одна просьба: в такую поездку нужен ведь и оруженосец, верно?

Барон заглянул в опустевший кубок сына и наполнил его, не забыв затем и свой. На его губах мелькнула и пропала усмешка.

– Ишь, как ты быстро вообразил себя рыцарем! Да нет, не обижайся. Оруженосец, само собой, нужен, однако я не представляю, кого из моих слуг можно было бы отправить с тобой. Те, кто бывал со мной в походах, уже стары, а молодые в воины не годятся – мужичье и только! Но ведь не с одним же оруженосцем ты повезешь принцессу Наваррскую в Сицилию?

– Нет, конечно. У королевы Элеоноры, разумеется, будет свита, которая поедет с ней и с принцессой. Да и Беренгария, думаю, не одна явилась в Англию. Но именно я... Тьфу! Именно Луи отвечает за то, чтобы обе дамы целыми и невре-

димыми добрались до Мессины.

Барон хотел что-то сказать в ответ, но не успел. В это самое мгновение двери зала, где они так спокойно пировали, распахнулись, и одна за другой в него не вбежали, а влетели три борзые. С лаем, обгоняя друг друга, все они ринулись к столу, при этом так высоко прыгая, будто собирались перескочить через стол, а то и через голову хозяина.

– Стой! – завопил барон, замахиваясь на первую же подлетевшую к нему собаку. – Прочь, негодные! Что за наглость такая?! Вон! Ничего со стола не получите, а не уберетесь, велю вас с утра вообще не кормить! Мало вам кабаньих потрохов? Вон, вон!!!

Эдгар, подняв повыше руку с остатками кабаньей ноги, от души хохотал, видя негодование отца и упорство борзых, которые сперва было отпрянули от стола, но потом закрутились возле него вновь, вытягивая свои длинные морды к блюду с еще не тронутым кроликом, то и дело разевая огромные пасти и умильно свешивая длинные розовые языки. Окрики хозяина их, конечно, смущали, но запах мяса был сильнее страха перед хозяйской плеткой, которой к тому же в руках у барона в этот момент не было.

– Трибо! Алиф! Ронга! Назад! Ко мне!

Вслед за звонким окриком, донесшимся от дверей зала, раздался какой-то особенный, пронзительный, с переливами свист. Все три борзые разом встали, присели на задние лапы, затем вновь вскочили и, размахивая хвостами, помчались к

дверям, к тому, кто позвал их.

На пороге зала стоял мальчик лет четырнадцати-пятнадцати. Невысокий, немного угловатый, он казался хрупким. Во многом это впечатление создавала его одежда – просторная взрослая рубаша и истертая охотничья куртка болтались на его тонкой фигурке, словно на портновской вешалке. Но в остальном это был, пожалуй, даже красивый мальчик. У него было овальное продолговатое лицо, окруженное настоящей шапкой темнокаштановых волос, на удивление чистых (в замке болтали, что щеголиха Флорестина, которая раз в месяц нагревала воду в лохани, добавляла туда всяких трав и полоскала свои роскошные кудри, потом зазывала и мальчишку окунуть голову в лохань, и будь тот повзрослее, не миновать бы ему ревности барона Раймунда). Эти волосы красиво оттеняли светлую кожу мальчика, покрытую ровным светлым загаром. Глаза под черной линией почти прямых бровей были карие, большие и удлиненные, постоянно чуть скрытые густыми немного лохматыми ресницами. Вообще лицо мальчика казалось бы тонким, если бы не большие полные губы, почти всегда готовые растянуться в добродушную улыбку.

Это был Ксавье, тот самый «малыш Ксавье», которого когда-то покалечили собаки барона и который, будучи взят хозяином в замок, стал лучшим сокольничим, а заодно любимцем всех хозяйских борзых, лошадей и вообще всей домашней живности. Поговаривали, что выросший в деревне маль-

чишка знает какие-то специальные заговоры: его беспрекословно слушался даже горячий чистокровный жеребец по кличке Брандис, который, когда на него «находило», не раз пытался скинуть даже барона, а уж тот был наездником от Бога.

Одного взмаха руки в широченном полотняном рукаве хватило, чтобы собаки, мигом отозвавшиеся на свист Ксавье, покорно выскочили из зала и помчались по коридору к выходу во двор.

– Простите, сеньор! – воскликнул мальчик и, чуть прихрамывая, приблизился к столу. – Не браните только Робера: он не стал запирать собак на псарне, думая, что они сыты, и им полезно будет побегать по двору. Ему в голову не пришло, что их понесет в зал, да еще когда вы ужинаете...

– Их всегда несет туда, где вкусно пахнет! – сердито проворчал Раймунд. – И я не для того держу псаря, чтобы мои борзые, когда им вздумается, лезли ко мне на стол. Ведь твои соколы не летают у меня по залу! Ладно, ладно, нечего так смотреть на меня, плутишка!.. Небось Роберу нипочем не удалось бы разом выгнать эту свору, пришлось бы погоняться за ними с хлыстом. Ты, похоже, спас остатки нашего ужина, а потому разрешаю тебе отрезать кусок крольчатины и съесть. Можешь даже прямо здесь это сделать, даже можешь налить себе вина – мой сын все равно почти не пьет.

Юный сокольничий не заставил себя уговаривать. При всем своем кротком облике, он был вовсе не стеснителен и

не робок. Мальчик охотно взял протянутый хозяином нож и с его помощью отломил кусок кроличьего бока, а Эдгар, улыбаясь, протянул ему свой кубок, долив вина до краев:

– Пей и прочти мои мысли, Ксавье! – воскликнул он. – Если ты, как говорят, знаешь, о чем думают собаки и лошади, то, может, узнаешь и о чем думаю я?

Мальчик соорудил самую серьезную мину, хотя при этом уголки его озорных губ подрагивали от сдерживаемого смеха. Ксавье закрыл глаза, отпил большой глоток вина и проговорил, проведя левой рукой в воздухе, как настоящая гадалка:

– Вы думаете о прекрасной даме. Даже о двух! Вам предстоит встреча с ними, и вы желаете этой встречи. Но при этом, – тут сокольничий уже не смог сдержать улыбки, – красота этих дам вас не волнует и сейчас вы больше мечтаете о лошади, чем о женщине!

В первый момент Эдгар разинул рот от изумления. То же произошло и с его отцом. Но тут же барон нахмурился:

– Вот нахальный мальчишка! Ты что же, подслушивал наш разговор? Да как ты посмел?!

– Как бы я мог его подслушать, – обиделся мальчик, – если вы беседуете в большом зале, далеко от окон и дверей? Если же вы, сеньор, говорили с Эдгаром в своей комнате, то оттуда и подавно ничего не слышно – даже с крыши не услышишь. Просто пока вы охотились, Эдгар ждал вас. И сперва, перед тем, как пойти в зал, он сидел во внутреннем дворе,

неподалеку от загона для лошадей. А я был наверху, на стене – разговаривал со своим соколом, с Пего – он у нас самый умный. И видел, как Эдгар рисует палочкой на земле, – когда он задумается, он всегда так делает, – и у него здорово хорошо выходит. И нарисовал он две женские фигуры, в таких высоких уборах на голове – такие только знатные дамы носят. А еще нарисовал рыцаря в доспехах перед ними, но у него в руке почему-то был не меч, а молот, и я подумал, что он себя представил...

– Правда? – рассмеялся Эдгар. – А я и не замечал, что рисую. Да, у меня есть такая привычка. Ну а лошадь? Уж ее я не рисовал, лошади у меня выходят куда хуже людей!

– Да зачем вам было рисовать, когда загон был перед вами! – воскликнул Ксавье. – Вы еще, прежде чем идти в замок, подошли и долго разглядывали лошадей, а раньше они вас совсем не интересовали. Я и подумал, что вам надо, наверное, куда-то ехать, что вы думаете в этой поездке встретиться с двумя дамами, но они вам не очень нужны, иначе бы вы не подшутили, нарисовав молот – рыцарь ведь не пойдет к любимой даме с молотом! Зато лошадь вам нужна обязательно, у вас ведь ее нет. Вот и все, и ничего я не подслушивал! И никогда не подслушиваю!

Последние слова прозвучали уже с такой обидой, что старый барон, усмехнувшись, потрепал мальчишку по щеке.

– Ладно, ладно, Ксавье, нечего надувать губы. Просто ты так ловко все подмечаешь и обо всем догадываешься, что

тебя скоро начнут подозревать в колдовстве. Ешь мясо, пей вино и не думай худого. А пока жуешь, подумай вот о чем... Эдгару и правда предстоит долгий путь и одно важное поручение. Лошадь я ему дам, скорее всего, даже дам Брандиса, я становлюсь стар, и чует мое сердце – этот норовистый наглец скоро меня сбросит. Но моему сыну придется, видишь ли, изобразить рыцаря... Да не таращи так глаза – у него есть на это право, в конце концов я же рыцарь! А коли так, то парню в дорогу нужен надежный оруженосец. Не подскажешь ли, кого из слуг, либо, может быть, кого из наших крестьян стоило бы послать с Эдгаром?

По выразительному лицу мальчика проскользнула какая-то тень, глаза раскрылись на миг так широко, что их блеск не смогли погасить даже пушистые ресницы. Потом он опустил взгляд.

– А куда вы едете, господин Эдгар?

– В Англию, – ответил молодой человек. – А потом куда дальше, в Сицилию. И, Бог весть, быть может, приму участие в крестовом походе.

Последние слова вырвались у него случайно, он вовсе не думал до этого момента, что собирается, выполнив просьбу Луи, остаться с крестоносцами, а не возвратиться во Францию. Старый барон чуть вздрогнул, но ничего не сказал – должно быть, еще во время чтения старой рукописи он понял всю непоправимость своей ошибки: не надо было давать сыну читать ее!

Что до Ксавье, то он вновь посмотрел в лицо барону и сказал с необычайной для четырнадцатилетнего мальчика рассудительностью:

– Что вы, сеньор – кого же у нас можно послать оруженосцем при вашем сыне, если из ваших слуг никто толком и из лука-то не стреляет! Да и верхом хорошо ездят только ваши охотники – в деревнях наших толковых наездников нет, в моей, по крайней мере, посади любого на лошадь, он с нее как куль соломы свалится... Да и зачем вам кому-то чужому говорить, что господин Эдгар будет выдавать себя за рыцаря? А ну как вы навлечете на него беду? Наши мужики как выпьют – слова во рту не удержат!

Это до сих пор не приходило в голову барону Раймунду. Однако мальчик с его крестьянской рассудительностью был прав, и старый рыцарь совсем помрачнел.

– Ну вот, Эдгар, сынок... Видишь, сколько препятствий? Похоже, что мне некого отправить с тобой.

И тут Ксавье неожиданно вспыхнул и воскликнул с детской наивной горячностью:

– Отправьте меня!

В первое мгновение барон и его сын опешили, но потом так дружно и весело расхохотались, что мальчик даже отшатнулся, едва не подавившись куском мяса, которое в это время надкусил. Обоим было весело – они искренне приняли слова подростка за шутку. В самом деле – этот заморыш куда как годился в оруженосцы!

У Ксавье хватило духа не расплакаться и не выбежать из зала. Наоборот, он одним духом допил все, что оставалось в кубке и, подождав, пока мужчины перестанут смеяться, проговорил, заливаясь пунцовым румянцем:

– А что я такого сказал смешного? Да, я маленький. И хромой. Но больше мне ничто не мешает быть хорошим оруженосцем. Верхом я езжу лучше господина Эдгара, и если Брандис вдруг не станет его слушаться, мигом управлюсь и научу жеребца повиноваться. Я умею стрелять, и лук натягиваю чуть хуже взрослых, зато стреляю метко. Оружие чищу и точу так, что довольны даже ваши, сеньор, привередливые охотники. Умею читать и писать, хотя кто-то мне говорил, что рыцарям и их оруженосцам это вовсе и не нужно... И уж я никому ничего не разболтаю! А еще я мало ем – это ведь тоже важно. Почему же меня нельзя послать с господином Эдгаром в Англию и в эту... как там ее?

– Сицилию... – Эдгар смотрел на мальчика, и его лицо становилось все серьезнее. – Слушай, отец, а ведь правда – отчего бы и нет? Если я, не умея толком драться на мечах и держась в седле чуть лучше деревенского увальня, отправляюсь в поход, да еще собираюсь сойти за рыцаря, то почему этот зайчонок не может стать моим оруженосцем? В любом случае он надежнее всех, кого мы с тобой можем припомнить. А уж до чего сметлив и прыток... Так что, подумай, отец, – по крайней мере, я ручаюсь, что малыш не струсит.

Барон Раймунд сперва посмотрел на сына словно на тро-

нувшего умом, потом почесал ребром ладони затылок, окинул взглядом мешковатую фигурку Ксавье и усмехнулся:

– Ты сам выбрал, Эдгар. А тебе, малыш, я завтра дам пару монет – ступай в город и изволь купить себе одежду, в которой ты хотя бы не будешь похож на пугало с пшеничного поля. И все – иди отсюда. Мне нужно еще поговорить с сыном.

Мальчик вскочил и кинулся к дверям, почти не хромя, страшась только одного – что его догонит сердитый окрик хозяина, который ведь может спохватиться и передумать... И ни отец, ни сын не заметили, какой сумасшедшей, переполнившей душу радостью вспыхнули глаза подростка.

Глава шестая

Сокол и дичь

В то время, как Эдгар стремился отправиться в путь как можно скорее, Луи, впутавший молочного брата в это отчаянное предприятие, вовсе не спешил. Он понимал, что лучше всего им, Эдгару и ему, было бы появиться в Мессине одновременно, чтобы грозный король Ричард, получив разом обеих невест, имел полное право сделать окончательный выбор и не винить своего посланца (вернее посланцев, но этого он не знал!) в постыдной нерасторопности. Однако подгадать одновременное прибытие на Сицилию было невозможно, поэтому нужно было по крайней мере сделать разрыв во времени совсем небольшим. А коль скоро от Лиона до Парижа было куда ближе, чем от Лиона до Винчестера, то молодой рыцарь решил выехать на неделю позже своего друга.

Проводив Эдгара, Луи отправился на несколько дней в свой родовой замок, который отстоял от Лиона на двадцать лье и располагался в небольшой долине, очень красивой и очень плодородной, благодаря чему вблизи замка было несколько довольно богатых деревень. Их красивые ухоженные домишки, нарядно выбеленные и всегда покрытые свежей травой, являли заметный контраст со старым замком, когда-то тоже богатым, но пришедшим в полное запустение еще при покойном отце Луи графе Гюи де Шато-Крайоне. С

востока и юга полуразрушенный, с севера и запада кое-как укрепленный и подлатанный, замок больше походил на руины, чем на жилье рыцаря. Подъемный мост незадолго до отъезда молодого крестоносца в поход почти совершенно вышел из строя, и Луи приказал не поднимать его без крайней нужды, не то потом можно было и не опустить... Единственный стражник, старый слуга покойного графа Гюи, седой и степенный Жан был очень доволен таким приказом: он отлично знал, что в замке совершенно нечего красть, и с него ни за что не спросят, а если вдруг в округе объявятся разбойники, он всегда узнает об этом загодя – в окрестных деревнях красть как раз есть что, и уж крестьяне оповестят друг друга об опасности... В первую очередь зазвонит колокол на церкви Святого Стефана, и тогда селяне, похватав узлы и гоня перед собою скотину, ринутся к замку – какой-никакой, он все же может послужить убежищем. Вот они и помогут поднять, а по окончании нашествия опустить мост. А так – что его трогать?..

Отец Луи, имея достаточно крутой нрав, приучил некогда местных крестьян исправно платить ему дань. Однако все щедрые плоды здешних садов и полей, всех гусей, овец и кур добросовестно поедала дружина храброго графа – он считал, что иметь при себе меньше двадцати пяти воинов недостойно рыцаря. Луи, за три года до своего отъезда похоронивший отца, распустил эту дружину, понимая, что проку от нее не будет никакого – воины, все из здешних крестьян, успели со-

стариться, многие растолстели и огрузли, иные за последний десяток лет почти разучились сидеть в седле. Молодой Шато-Крайон отдал им лошадей, на которых они сопровождали старого графа в былые походы, оставив себе лишь трех чистокровных кобыл и одного жеребца, а из слуг сохранив старину Жана да нескольких подростков для ухода за конюшней и козами. Сельскую дань в это время пришлось почти всю отдавать за долги – граф задолжал соседу, старому рыцарю, товарищу по прежним походам, и, что было куда хуже – паре лионских ростовщиков. В крестовый поход Луи отправился с единственным оруженосцем, призвав одного из воинов старой свиты, и тот остался навеки в безводной пустыне, куда войско германцев завел коварный проводник-мусульманин. С кем ехать на этот раз, молодой рыцарь раздумывал, направляясь к своему замку, а заодно гадал, удастся ли прожить эти несколько дней, ничего не потратив из тех денег, что он припас себе в дорогу, честно разделив золото короля Ричарда с молочным братом.

Мрачные стены и откровенная нищета графских покоев навели на юношу грустные мысли. К тому же, он все чаще думал, что ввязался в очень скверную историю, и добро бы ввязался сам, но еще и впутал самого близкого друга. Луи искренне любил Эдгара, и ему стало страшно, когда он представил себе, что может приключиться с кузнецом, вздумавшим выдать себя за рыцаря, если его разоблачат. В какой-то момент крестоносец даже подумал, не повернуть ли коня, не

догнать ли молочного брата и не сказать ли, что ехать никуда не нужно... Как ни воодушевился Эдгар, начитавшийся записок своего легендарного предка, вряд ли он станет долго спорить. Все это так, но что тогда делать с клятвами, данными двум королям, с двумя невестами и со всей этой бредовой историей, в которой ему, Луи, можно было самое меньшее потерять голову (ни тот, ни другой король не простят такой «шутки»), а самое худшее, возможно, лишиться чести...

От таких мыслей молодой рыцарь готов был совсем впасть в уныние. Однако он слишком устал в своих странствиях, а потому, проглотив немудреный ужин, уснул мертвым сном на широкой отцовской кровати, застеленной по-охотничьи несколькими волчьими шкурами.

Утро разбудило его хором птичьих голосов и дружным блеянием коз, которых один из пастушков гнал на выпас. Сквозь затворенные ставни в комнату яркими лезвиями вонзались солнечные лучи.

На скамейке в ногах постели Луи обнаружил большую глиняную лохань и кувшин с водой – значит, тетушка Мирта, жена стражника Жана, не позабыла привычек молодого господина, которые старый граф называл дурыю. «Вот, гляди, будешь так часто мыться, наживешь лихорадку!» – говорил он сыну. Не позабыла Мирта и любимого завтрака Луи: он еще возился с умыванием, а она уже, войдя без стука, притащила широкий медный поднос, на котором стояла тарелка с ломтями свежее выпеченного хлеба, красовался кувшин

козьего молока, стакан и сваренное вкрутую гусиное яйцо. Гусей в замке не держали, значит, служанка не поленилась до свету сбегать в деревню, чтоб побаловать вернувшегося из долгого похода крестоносца.

Проявления доброй заботы, ласковая улыбка на широком веснушчатом лице Мирты, – все это, вместе с позабытым вкусом молока и пышного, почти горячего хлеба, сразу подняло настроение молодого графа Шато-Крайона. «В конце концов, – решил он, – все может обернуться не к худшему, а к лучшему. Может, Эдгару и впрямь удастся стать рыцарем? А я заслужу милость не одного, так другого короля?»

Позавтракав, Луи кликнул Жана и справился, живы ли его охотничьи соколы.

– Один околел, ваша милость, – вздохнул стражник. – Осенью еще помер. Но он и был уже стар – вы ведь помните – у него уж года три как стали лезть перья... А три молодых живехоньки. Чтоб они не разучились брать дичь, я с ними нет-нет да езжу на охоту, хотя из меня теперь какой уж охотник! Зайцев они этой зимой переловили немало, за что наши крестьяне меня даже благодарили: эти ушастые негодники грызут им кору на сливах и грушах! А самый крупный сокол – помните, еще старый граф прозвал его Трибо, так вот этот даже лисиц два раза притаскивал! Ему ж и не поднять такую здоровую зверюгу, но он ее забивает и тащит по земле. И шкуру не портит – такой вот ловкач!

– Отлично! – воскликнул юноша весело. – Вот я и поохо-

чусь сегодня с Трибо. Вынеси-ка его на двор, Жан, да вели кому-нибудь из конюхов оседлать моего абиссинца.

Луи, как и его отец, охотился обычно в лесу, что раскинулся за долиной и тянулся на много лье, так что в нем ничего не стоило заблудиться. Стоило бы поэтому взять на охоту и собак, или хотя бы одну, но из всей своры в замке Шато-Крайон оставались только две уже немолодые собаки, и не охотничьи, а пастушьи – в лесу от них было бы мало проку. Впрочем, Луи обычно никогда не терял направления, тем более, когда светило солнце, а в этот день на небе не было ни единого облака.

В густой чаще соколу было бы нелегко высматривать добычу, поэтому охотник поскакал вдоль огибавшей опушку неширокой реки, через лужайку, к обширному оврагу, густо заросшему кустарником. Он помнил, что в этом овраге водится много разной птицы, кроме того, там любили прятаться зайцы, туда же в поисках добычи забредали и лисы, а порой и волки. Конечно, Трибо не мог бы одолеть волка, но Луи взял с собой арбалет и не сомневался, что сумеет подстрелить зверя даже на всем скаку.

Сокол вполне оправдал хорошие отзывы старого Жана. Не прошло и часа, а в притороченной к седлу сумке охотника уже лежали две крупные дрофы. Луи совсем развеселился и поехал дальше. Ему хотелось поохотиться возле старой полуразрушенной мельницы. Когда-то по дну оврага текла речушка, и крестьяне ближайшей деревни, устроив запруду,

соорудили тут эту мельницу. Но вот уже лет пятьдесят, как вода иссякла, и мельник перебрался на другое место. Добравшись до развалин, Луи вспомнил, что может вторгнуться в чужие владения – земли графа Шато-Крайона здесь заканчивались. Но барон Жерар де Брюи был тот самый старый рыцарь, приятель его отца, и юноша здраво рассудил, что если старик пятнадцать лет ждал уплаты немалых долгов соседа, то уж как-нибудь простит его сыну, если тот немного потравит дичь в его лесу.

Трибо, в очередной раз спущенный с поводка, взмыл высоко в небо, довольно долго кружил над краем оврага, где за зарослями редких сосенок открывалась довольно большая поляна, потом плавно повернул, снизился и камнем ушел вниз.

– Есть! – воскликнул довольный охотник.

Но сокол на этот раз не спешил вновь появиться. Возможно, выбранная им дичь была велика и тяжела для него, а может быть, сопротивлялась, и птице было трудно ее прикончить. Луи поскакал в том направлении, где исчез Трибо, и вскоре услышал за сосновой рощицей настоящий шум схватки – громкое хлопанье крыльев, отчаянный рев какого-то зверя и затем злобное шипение, точно на этот раз сокол схватился со змеей.

Луи сдернул с седла арбалет и стремительно направил коня сквозь сосняк. И еще прежде, чем добрался до цели, услышал новый звук – пронзительный визг. Тут уж ошибиться

было нельзя, при всей своей неопытности Луи знал – так визжать может только одно существо на земле – женщина.

На небольшой поляне, как раз на фоне причудливых развалин мельницы, охотник увидел сцену, от которой едва не расхохотался. Посреди поляны происходила отчаянная схватка – сокол атаковал какого-то зверя, а тот, опрокинувшись на спину и выставив вверх все четыре лапы, бешено отбивался, да так, что густое оперение Трибо уже немного пострадало. Зверь этот был не заяц, не барсук, не лиса и не куница. То был... самый обычный кот, серый, пушистый, широкомордый и усатый. Он ревел и шипел во всю свою кошачью глотку то ли от ужаса, то ли от праведного гнева: какого же беса рогатого эта дурная птица приняла его за лесную дичь?! Трибо, возможно, и сам уже понял свою ошибку, но и его охватила ярость, а потому он наскакивал на зверюгу с разных сторон, намереваясь все равно его доконать. А вокруг них бегала кругами и дико визжала девушка лет двадцати, одетая как богатая крестьянка – в коричневое без рукавов платье, сшитое из хорошего сукна, надетое поверх белой, нарядно расшитой рубахи. Эта рубаха была длиннее платья, однако и она едва доходила девушке до щиколоток, а на бегу ее подол развевался и задирался так, что видны были не только красивые, на удивление небольшие башмаки, но и крепкие икры чуть ли не до колен. Голову девицы прикрывал аккуратный белый чепец, но сейчас он съехал на затылок, открывая пышные рыжеватые волосы.

– Прочь, прочь противная птица! – кричала девушка, размахивая руками, но явно не решаясь подступиться к соколу. – Не тронь моего кота! Прочь, дрянь ты этакая, прочь! Прочь!!!

Луи некоторое время наблюдал за происходящим, не вмешиваясь. Он от души веселился, к тому же его разбирало любопытство – сумеет ли Трибо ухватить кота, и на что в этом случае решится крестьянка. Однако когти перепуганного котищи могли серьезно ранить птицу, да и Трибо мог внезапным ударом прикончить зверя, а это стало бы, наверное, большим горем для девушки. И рыцарь в конце концов пронзительно свистнул, призывая сокола вернуться к нему.

Трибо до того разгорячился, что сперва не отозвался на свист, продолжая нападать на кота, но когда Луи свистнул во второй раз, громче и резче, сокол повиновался и с явной неохотой подлетел к охотнику. Он сел на подставленную ему руку в кожаной перчатке и покорно дал надеть себе на голову колпачок, но продолжал еще некоторое время гневно хлопать крыльями и грозно щелкать сильным клювом.

Кот, избавленный от беды, все еще лежал, вскинув растопыренные лапы и шипел, будто кобра. Лучше было бы не трогать его, пока он в таком настроении, но крестьянка, желая убедиться, что ее любимец не ранен, подбежала, схватила его на руки и... громко вскрикнула, на этот раз от боли – котяра рассадил ей левую руку от локтя до ладони.

– Кошки так же неблагодарны, как большинство жен-

щин! – проговорил Луи, пересаживая сокола на гриву коня, слезая с седла и подходя к девушке. – Любят, чтоб их спасали, и всегда готовы побольнее ранить своего же спасителя.

– И много ли женщин вас поцарапали, добрый господин? – спросила девушка, всхлипывая и растерянно глядя на кровавые полосы, расчертившие ей руку.

– Пока ни одна, – безо всякой обиды отвечал молодой рыцарь. – Я редко подхожу к ним без перчаток. Можно вас перевязать?

И не ожидая ответа, он вытащил из-за пояса платок и аккуратно обмотал им предплечье крестьянки. Та с некоторым удивлением подняла на него глаза, и тут Луи смутился. Девушка была очень хороша. Круглое ее личико с немного вздернутым носиком нельзя было назвать правильным, но его отличала та нежная прелесть, которая кажется лучше любого совершенства. Алые озорные губки, напоминавшие цветок, свежий румянец, словно нанесенный кистью, трогательные ямочки, возникшие на обеих щеках, когда девушка слегка улыбнулась, – все это вместе производило неотразимое впечатление, настолько неотразимое, что Луи, несмотря на молодость уже достаточно искушенный в женских прелестьях, не заметил еще одной странности: у девушки были не только необычайно маленькие ноги, но и небольшие руки безукоризненной формы, явно не испорченные тяжелым сельским трудом – их кожа была бела как мрамор, а ладони нежны точно шелк.

– Как вы ловко это сделали! – воскликнула она, рассматривая повязку. – Вам, наверное, уже случалось перевязывать раны?

– Раны? Да, много раз, – кивнул молодой человек. – Но я впервые имею дело со следами кошачьих когтей. А коту хоть бы что! Он что же, думает получить награду за свое геройство?

Серый разбойник в это время преспокойно терся у ног девушки, не испытывая ровно никакого раскаяния.

– Могу я узнать, кто вы? – спросила девушка, кажется, не слишком смущенная пристальным восторженным взглядом рыцаря. – В этих местах я чужая и никого не знаю.

– Чужая? – Луи слегка опешил. – Но я думал... думал, что вы живете в одном из здешних селений.

Он уже начал понимать, что это была глупая мысль. Одежда девушки ввела его в заблуждение – она не могла быть крестьянкой. Служанка из замка барона де Брюи? Тоже едва ли. Наверное, его родственница, из прихоти решившая нарядиться в свободное сельское платье.

– Впрочем, – тотчас оборвал себя юноша, – я не имею права задавать вопросов даме. Мое имя, если вам интересно, – граф Луи Шато-Крайон, рыцарь Святого Креста.

– О-о-о! – вырвалось у красавицы. – Так вы сын отважного рыцаря Гюи? Отец мне о нем рассказывал. И вы уже были в крестовом походе?

– Да, – он чуть поклонился, украдкой показав кулак коту,

решившему в это время поточить когти о его сапог. – И собираюсь вновь отправиться в поход, надеюсь, к стенам Иерусалима. Но вначале мне должно выполнить поручение, данное нашим милостивым королем.

Тонкие брови девушки высоко поднялись:

– Филипп дал вам поручение? Вы из его свиты?

Это был уже почти дерзкий вопрос, и Луи мог бы на него обидеться, но эта странная красавица слишком ему нравилась, пожалуй ТАК ему не нравилась еще ни одна женщина. И еще: в ней, при всей простоте и естественности поведения, ощущалась какая-то особая властность, какую не дают ни деньги, ни оружие, а только происхождение.

– Я не из свиты короля, милая дама, – он улыбнулся, отпуская ее руку, которую все еще держал в своей. – Просто его величество решил, что это очень важное дело можно мне доверить. Должно быть, я показался ему надежнее тех, кто его окружает.

– Ха! – она махнула рукой, соорудив выразительную гримаску, в которой сожаление смешалось с пренебрежением. – Скорее всего, Филипп подумал, что вам можно будет заплатить за опасное и тяжелое поручение меньше, чем любому из его приближенных.

Луи посмотрел на девушку с таким изумлением, что она невольно смешалась.

– Вас удивляет дерзость моих речей? – она говорила уже не раздраженно, а печально. – Поверьте, я добрая подданная

нашего короля. К тому же, я – женщина, и мне не пристало вообще судить о делах мужчин. Но среди моей родни немало людей знатных, есть и такие, которые приближены к королю, и они знают его неплохо. Увы, король Филипп и вправду скуповат, но ведь это – не худший из грехов, верно?

Она явно хотела перевести разговор в шутку, и молодой человек понял, что так будет лучше всего. Однако его разбирало такое любопытство, и вместе с тем он испытывал такое непривычное смущение перед этой женщиной, что не мог решить, как дальше себя вести. Больше всего он боялся, что сейчас она попросается и уйдет, и он не посмеет за нею последовать.

– Скупость иногда полезна, – усмехнулся Луи в ответ на шутливое замечание незнакомки. – Особенно когда придется думать о целой стране. А вы... вы что же, пешком сюда пришли?

Она пожала плечами.

– Так ведь замок барона Брюи в часе ходьбы отсюда. А я люблю ходить пешком. Мы... я и мой дядя сейчас в гостях у барона.

– И вы уверены, что бродить по этим местам в одиночку вполне безопасно? – не выдержал молодой человек.

– Мне говорили, что в последнее время здесь очень спокойно. Хотя вы, конечно, правы, – тут в ее голосе вновь слышалась досада, – я веду себя непростительно. Но так редко удается побыть одной, со своими мыслями и... Ой, а куда

делся Саладин?

– Кто-о-о?!

Имя египетского султана, врага всего христианского мира, во имя битвы с которым и собирался третий крестовый поход, прозвучало так неожиданно, что рука Луи невольно рванулась к седлу, на котором висел его арбалет, и сокол, хотя глаза его были закрыты колпачком, ощутив это резкое движение хозяина, захлопал крыльями, крепче вцепившись когтями в гриву абиссинца.

Но девушка вдруг расхохоталась:

– О, простите! Я же и забыла, что вы крестоносец, и это имя для вас не просто одно из сарацинских имен... Саладином мой дядя прозвал кота, которого мне подарил, потому что это очень наглый кот, от которого иногда просто нет спасу! Но я все равно его люблю. Где он, в самом деле? Саладо, Саладо, кис, кис, кис! Где ты?!

– Вон он! – И Луи указал на щербатую стену мельницы, по которой в это время пронеслась серая лохматая тень. – Хотите, поймаю?

– Он вас к себе не подпустит. Пойдемте вместе! – ямочки на щеках девушки просили вместе с ней, и отказать было невозможно. – Право, идем. Не то мне говорили, что на этой мельнице иногда видят привидений...

Глава седьмая

Призраки старой мельницы

Мельница, в которой решил искать убежища серый разбойник, была сооружена старательно: ее стены состояли из массивных, неплохо обтесанных камней, соединенных песочным раствором. Впрочем, швы между плитами, как и сами плиты, давно поросли бархатным темным мхом. Травяная крыша массивного сооружения, само собою, уже истлела и развалилась, однако ее основу составляли не тонкие жерди, а достаточно широкие и прочные доски, которые, хотя и подгнили и частью поломались, но еще укрывали развалины, и в них от этого царил полусумрак и прохлада.

Пол мельницы сгнил и развалился. Из четырех массивных жерновов два, свалившись с опоры, разломались пополам, два продолжали торчать на ржавой оси, перекосившейся и вставшей почти вертикально. Боковая дверь, за которой была еще одна часть строения, просторная прямоугольная комната, жилище мельника и его семьи, заросла нарядными кустами жимолости, а так как в ней никогда и не было деревянного пола, то сейчас там пышно цвел шиповник и гудели осы, слепившие под верхними балками свои круглые гнезда.

Луи и его спутница проникли в развалины не через дыру, которая была некогда дверью: она находилась довольно высоко над землей, а лестница, что к ней вела, тоже дав-

ным-давно развалилась. Однако у мельницы прежде был обширный подпол, и туда тоже можно было проникнуть – вниз вел низкий квадратный люк. В подполе мельник, судя по всему, держал некоторые запасы муки и зерна, которые составляли плату за его работу и в урожайные годы позволяли жить безбедно. Здесь теперь тоже все заросло – молодым людям пришлось осторожно пробираться меж обломками досок, среди настоящей чащи злющей крапивы.

– Ой, я порву платье и вся обожгусь! – проговорила девушка, явно не зная, что ей делать: то ли повыше подобрать подол, чтобы сохранить свой наряд, то ли, напротив, рискнуть подолом, чтобы уберечь от крапивы ноги.

Луи решил этот вопрос за нее: в порыве дерзости, которая у него отчего-то всегда появлялась очень кстати, он подхватил красавицу на руки и вместе с нею вскочил на идущую поперек помещения толстую балку.

– Вот так! По этим балкам можно, кажется, ходить безбоязненно – они еще не скоро сгниют. Вставайте, мадам, не бойтесь!

– Вы... Спасибо! Вы очень любезны.

Она растерялась, но не слишком, вновь показывая, что смутить и напугать ее не так-то легко.

– Ну и где же ваш султан? То есть, где ваш разбойник? – пожимая плечами, Луи осматривался, но ровно ничего не видел, кроме старых щербатых стен, обильной зелени, желтых огоньков снующих в воздухе ос да алых пятен шиповни-

ка. – Возможно, он так по стенам и бегает. Сейчас попробую туда забраться, но уж наверх вы за мной не полезете!

– Это мне и не под силу! – в некоторой досаде девушка глянула наверх. – Саладо! Кис-кис-кис! Да где же ты, негодник?

– Мя-я-о-о-о! – раздалось за зеленой стеной жимолости.

– Он там! – воскликнул Луи и, ловко прыгая по старым балкам, кинулся к двери в домик мельника.

Квадратное помещение оказалось более светлым, чем угрюмая башня самой мельницы – большая часть перекрывавших его досок развалилась, да и стены были куда ниже. Сюда проникало много солнца.

Спутница Луи храбро спрыгнула вслед за ним с кромки каменного проема и тут же взвизгнула: ее платье зацепилось за ветви кустов и высоко задралось. Хорошо, что рубашка по-прежнему прикрывала ноги.

– Я сама, я сама! – чуть покраснев, красавица отмахнулась, когда рыцарь обернулся, чтобы ей помочь. – Ищите ко-та. Где это он заорал?

– Вон он! Ого! Да он кого-то ограбил...

Мохнатый Саладин обнаружился в дальнем углу помещения. Там, под остатками дощатой кровли, был устроен еще один, более низкий, навес: на двух палках кто-то натянул полотнище толстой парусины, устроив небольшую палатку. Под ней оказалось немудреное ложе – тюфяк, должно быть, набитый травой. Рядом лежал кожаный дорожный мешок,

который и привлек внимание серого разбойника. Впрочем, хозяин мешка, очевидно, был не так уж наивен: в лесу всегда есть кому проявить интерес ко всему, что пахнет едой – и неведомый путник (а кто же еще мог устроить себе ночлег в старых развалинах?) предусмотрительно повесил свою поклажу на железный стержень, торчавший из стены достаточно высоко. Однако кота это не остановило. Скорее всего, он прыгал на этот мешок до тех пор, пока ляпка не оборвалась, и желанная добыча не оказалась на полу. Разгрызть кожаные завязки было тоже делом времени... Добившись своего, котяра выудил из мешка завернутую в тряпицу солидную копченую колбасу и ко времени появления хозяйки и ее нового знакомого успел умять почти треть ароматной снеди.

– Ах ты мерзавец! – вскричала девушка. – Ты что же это делаешь, скотина?! Какой-то бедняк, наверное, несчастный бродяга, который нашел себе приют в этих развалинах, припрятал немного еды, а ты, дрянь этакая, его ограбил! Да я тебя!..

– Стойте, стойте! – остановил Луи разгневанную красавицу. – Конечно, поступок кота предосудителен, однако он, во-первых, не виноват, что его так нарекли. Или вы не слышали, что имя влияет на характер? Мало того, что у зверя была врожденная тяга к разбою, так его за это еще и называли именем разбойника! Скажите спасибо, что он никого не режет! А во-вторых, уж не знаю, какой бедный и жалкий бродяга может позволить себе зайти в мясную лавку и купить такую

колбасу... Мне в моем родовом замке такой не подадут. Да и мешок у него не тряпочный, а из отличной кожи – такие мешки рыцари берут в поход – бродяга его давно бы проел или пропил!

– Значит... Значит, вы думаете?.. – в голосе девушки теперь была тревога.

– Думаю, что мы нашли убежище какого-нибудь лесного грабителя, мадам. Правда, в одиночку они обычно не ходят и не промышляют, но, может быть, этот отбилсЯ от своей шайки. А может, у него какие-то свои цели в этих местах. Или он кого-то ждет. Странно, очень странно!

– Идемте-ка отсюда! – кажется, отвага незнакомки все же была не беспредельна. – Мне вовсе не хочется столкнуться с хозяином этого шалаша. Эй, Саладин, пошли!

С этими словами она ухватила кота поперек туловища и прижала к себе. Саладо не выпустил изо рта колбасы, а потому не смог и завопить, из его утробы вырвался лишь глухой негодующий рев.

Что до Луи, то его вдруг заинтересовал полураскрытый мешок неведомого бродяги либо грабителя. Что-то странно блеснуло в нем, и молодой человек, наклонившись, сунул в мешок руку (в конце концов, ведь не он раскрыл его!) Через несколько мгновений рыцарь выпрямился, держа в руке небольшой кривой кинжал в замысловато украшенных ножнах и плоскую серебряную коробочку с выпуклой крышкой.

– Что это? – спросила, сразу заинтересовавшись, девуш-

ка. – Какой необычный нож!

– Нож-то сарацинский! – задумчиво произнес Шато-Крайон, осторожно обнажая оружие и рассматривая его в полосе солнечного света. Хм! Острый, будто бритва...

– А что за странные бороздки вдоль лезвия, до самого конца?

– Я видел такие. Там, в Киликии, где завершил свой поход Фридрих Барбаросса. Один армянский князь[11] привез кинжал в подарок императору и рассказал, что турки и сарадины смачивают эти клинки ядом – благодаря бороздкам яд долго держится на лезвии.

– Ой! – ахнула красавица, еще сильнее сжимая кота, который барахтался в ее руках, но не желал выпускать недоеденную колбасу. – А... а этот кинжал не отравлен?

– Откуда же мне знать? Разве что проверить на Саладине, но, боюсь, вы мне никогда этого не простите! Однако, корбочка, пожалуй, еще интереснее!

С этими словами он не без усилия поднял крышку крохотной шкатулки. Она была на две трети наполнена маленькими зеленоватыми шариками. Луи взял один из них, потер между пальцев, понюхал, лизнул и что есть силы сплюнул.

– Так и есть!

– Это яд? – в широко раскрытых глазах девушки появился ужас.

– Вообще говоря, почти что яд, – ответил граф шато-Крайон. – Правда, от него не умирают. По крайней мере,

от небольших его доз. В Антиохии мне даже случилось попробовать это, и я потом долго не мог понять, что творится с моей головой... Говорят, несколько крестоносцев умерли от этого. Арабы и турки зовут его «хашиш». Это – дурман, с помощью которого магометане вызывают у себя адские видения, призывают дьявола и творят заклинания. Но с собой его обычно не возят. Никто, кроме... О, Боже, но откуда же они могли взяться здесь, во Франции?!

– Святая Мария! Вы пугаете меня, рыцарь! Кто «они»?

Луи пожал плечами, как можно аккуратнее закрыл коробку и осторожно убрал ее обратно в мешок вместе с кривым кинжалом.

– Мне рассказывал о них мой молочный брат Эдгар. Его прадедом был один знаменитый рыцарь, которому во время первого крестового похода пришлось сражаться с сарацинскими демонами – ассасинами. Их боятся даже магометанские князья и султаны. Это таинственное воинство, обитающее где-то в горах, то ли в Аравии, то ли еще где-то. Называют их «хашшишины», по-нашему, ассасины, из-за того, что они все время возбуждают себя дурманом, который дает им отвагу и презрение к смерти. Они считают себя единственными верными слугами пророка Магомета, и всех, кто, по их мнению, плохо ему служит, убивают...

– Я тоже о них слыхала! – голос девушки задрожал, кажется, она готова была в ужасе убежать, но любопытство еще удерживало ее на месте. – Я... Мой дядя их видел! Он ведь

тоже участвовал в крестовом походе, он только недавно вернулся из Палестины. И он рассказывал об ассасинах... Они служат Старцу горы, а он считает себя новым пророком и повелевает жизнью и смертью своих подданных, приказывая им убивать всех неугодных. Но... Мессир граф! Вы же не хотите сказать, что здесь, у нас, объявились ассасины?!

Молодой человек открыл рот, чтобы ответить, как вдруг застыл, чутко вслушиваясь.

– Сюда идут! – прошептал он.

– О, Боже! А если... это они?! Что же нам делать?!

Шорох осторожных шагов доносился из-за стены, не с той стороны, откуда проникли в развалины мельницы Луи и его спутница, а со стороны высохшего русла, ставшего глубоким оврагом. К этому оврагу примыкала внешняя стена дома мельника, и в ней виднелся пролом, через который вполне можно было войти, следовало только как следует пригнуться.

Луи с досадой подумал о том, что, отправляясь на поиски кота, не захватил с собой арбалета, оставив его на седле абиссинца. Меч рыцарь, разумеется, тоже не брал на охоту, и сейчас его единственным оружием оставался кинжал, висевший в ножнах у пояса. Тем не менее, граф Шато-Крайон несколько не боялся встречи с загадочным обитателем развалин, он был уже испытанным бойцом, и мысль о возможной схватке даже обрадовала его. Однако тут же он подумал, что незнакомца хорошо бы вначале как следует разглядеть. И

уже в самый последний момент Луи услышал неясные голоса и понял: к тайному убежищу идут по крайней мере двое. А раз так, то можно и послушать, о чем они говорят!

Юноша довольно бесцеремонно обхватил талию девушки и толкнул ее за зеленую завесу кустов жимолости, тут же нырнув туда и сам. Он приложил палец ко рту, одновременно осторожно отобрав у своей спутницы кота. Луи не собирался давать Саладину свободу, просто решил, что сам скорее с ним справится. Колбаса все еще торчала из пасти обжоры, и тот не мог замякнуть, не бросив своей добычи.

Кусты надежно скрыли молодых людей, но сами они сквозь просветы ветвей отлично видели и проем в стене, и примитивную палатку, и валявшийся на земле мешок.

В проеме возникла сперва одна, затем другая темная тень, и два человека проскользнули в дом мельника. Первый из них был рослый мужчина в довольно богатой одежде французского покроя. Его лицо, тонкое, нервное, наполовину скрывал опущенный капюшон плаща. Правда, плащом это одеяние можно было назвать разве что в насмешку – то был один из вошедших недавно в моду куцых плащиков, что закрывали только плечи, не спасая ни от дождя, ни от холода, зато кокетливо открывая всю остальную одежду. Этот человек был уж точно не бродяга и не разбойник, хотя у пояса его висел меч, а за плечами были лук и колчан.

Спутником его оказался невысокий смуглый молодой человек, одетый в черную полотняную куртку, под которой

в полосе солнечного света тускло блеснул металл кольчуги. Ниже, однако, были обычные суконные штаны и сапоги из хорошей мягкой кожи. На голове смуглого красовалась кожаная шапочка, украшенная несколькими короткими перьями, из-под которой пышным облаком выбивались густые мелко вьющиеся черные волосы. Они обрамляли округлое, почти безбородое лицо, на котором выделялись полные темно-красные губы и черная черта густых сросшихся бровей. Глаза, близкопосаженные, небольшие, были едва видны в глубоких глазных впадинах. Странное лицо, которое можно было счесть лицом уроженца Южной Франции либо Италии, но можно было принять его обладателя и за подлинного сына Востока. В пользу последнего говорил и запах, который исходил от него – необычная пряная смесь мускуса и еще каких-то благовоний, которые в христианских странах обычно употребляют только женщины.

Они вошли, осмотрелись и неторопливо подошли к устроенной возле дальней стены палатке.

В это время мохнатый Саладин уперся обеими лапами в грудь Луи, и тот едва не вскрикнул, так резко вцепился в него котище своими острыми, будто бритвы, когтями. Упрямый чревоугодник пытался пристроить на груди рыцаря колбасу, чтобы продолжить свой пир, хотя бы и оставаясь навесу.

Луи не мог шевельнуться – кусты непременно зашуршали бы, а потому он только свирепо посмотрел на кота и ободряюще кивнул девушке – ему очень хотелось узнать, кто бы-

ли эти странные люди, и что привело их в развалины мельницы. На лесных разбойников они не походили. Оставалось набраться терпения и постараться услышать, о чем они будут говорить.

Глава восьмая

Посланец Старца горы

– Посмотри-ка! – произнес смуглый, быстрым взглядом окидывая палатку. – Здесь кто-то был! Кто-то сорвал со стены мой мешок.

Высокий вздрогнул и тоже с беспокойством огляделся.

– Да нет! – возразил он, тем не менее снимая с плеча лук. – Никого тут не было – я видел паутину в проломе, через который мы влезали. Если бы кто-то забрался сюда прежде нас, ее бы не было.

– Да в это помещение можно пробраться и через мельницу! – смуглый говорил по-французски с каким-то странным гортанным акцентом. – Другое дело, кто это был: обычные грабители, либо кто-то похуже. Ты уверен, Гийом, что твой брат ничего не подозревает?

– Конечно, уверен. Его год с лишним вообще не было во Франции, и он никак не мог за мною следить. А твой мешок содрал со стены какой-то зверюга. Вон, смотри, на земле отпечатались лапы. Дикий кот, скорее всего. Ну да, и колбаса, что я тебе принес, пропала. А тряпка, в которую я ее заворачивал – вон валяется! Эти коты что хочешь достанут!

– Хорошо бы так, – смуглый продолжал осторожно осматриваться и даже, как показалось Луи, нюхать воздух. – Хорошо бы так... В любом случае, я сегодня уйду отсюда. И мы

с тобой встретимся, если все пройдет удачно, уже в замке. Когда твой брат должен покинуть Францию?

– Дня через три, – ответил высокий, поднимая кожаный мешок и старательно связывая порванную лямку. – Он бы сюда не приехал, но Алиса...

– А что Алиса?

– Да ведь это она сбежала из Парижа к барону де Брюи, потому что ей, видите ли, не хочется ехать в Мессину. Она, видите ли, уверена, что король Ричард не любит ее, и сама, якобы, никогда не хотела выходить за него замуж! Ну, моему брату и пришлось гнаться за нею сюда. Ведь вот-вот в Париж прибудет рыцарь со свитой. Тот, которого Филипп-Август отправил из Мессины.

– Тот, что должен привезти Алису Французскую к Ричарду Львиное Сердце? – в голосе смуглого прозвучала некая скрытая угроза. – То есть, тот человек, который мне и нужен?

Луи слушал, все более и более изумляясь. Они говорили о нем! Более того, о поручении, которое ему дал король! И человек в куцем плаще тут же подтвердил это, причем заговорил о таких вещах, которые уж никак не могли быть безразличны графу Шато-Крайону.

– Однако, если ты убьешь рыцаря, то что потом скажешь королю Филиппу-Августу, который его послал? Король ведь непременно спросит, отчего с его сестрой приехал совершенно другой человек?

– Пускай спрашивает. А я скажу, что рыцарь захворал,

либо получил рану, а я – его друг, и он просил меня завершить данное ему поручение. И потом, если французский король будет слишком подозрителен, то придется лишь немного ускорить события!

Высокий поежился:

– Ты и его собираешься убить? Не много ли дел для одного лишь слуги Старца? Ведь ты говорил, что главная твоя цель – король Ричард...

– Да! – голос смуглого чуть дрогнул, но не от страха или сомнения – в нем прозвучала ненависть. – Пока Львиное Сердце жив, ни один воин Аллаха не может спать спокойно!.. Но король Франции тоже силен и могуч, у него большая армия, и если он не оставит в покое земли правоверных, то придется дать вашей стране другого короля... Кто там ему наследует?

– Если для тебя все так просто, – проговорил человек в куцем плаще, – то зачем тебе вообще понадобился в этом деле я? За что ты мне заплатил? И почему уехал из Парижа, потащился со мной в Шампань, а оттуда – в эти лионские дебри? Не проще ли было в Париже дожидаться этого злосчастного рыцаря, раз ты сумел подкупить даже кого-то из свиты принцессы?

Смуглый рассмеялся, но его смех казался еще мрачнее и неприятнее предыдущей мрачной мины.

– Я же должен был убедиться, что ты меня не обманул, и граф Анри Шампанский на самом деле в предместье Лиона,

и что он повезет Алису назад, в Париж, а не отправится с нею сразу же на Сицилию. Что если он решил бы обойтись без рыцаря, посланного королем? Да и ты, любезный Гийом, можешь получать деньги не только от меня.

Человек в куцем плаще обиженно фыркнул, однако не решился спорить со своим зловещим собеседником. Он только осторожно спросил:

– Да отчего ты непременно хочешь поехать с Алисой, подменив ее сопровождающего? Разве тебе так трудно подобраться к Ричарду Львиное Сердце и без такой уловки?

– Трудно! – злобно огрызнулся смуглый. – Он отважен настолько, что кажется безумным, но он, увы, не безумен и не безрассуден. Кроме того, – тут на его толстых губах промелькнула улыбка, – Старец горы часто предпочитает оставаться в тени, когда его рукой Аллах карает неверных или непослушных. Если я буду вблизи короля англичан, то он может умереть и обычной смертью, либо по собственной неосторожности. Скажем, упасть с коня во время быстрой скачки, сильно простудиться, либо еще что-нибудь... А тебе я плачу за то, чтобы было кому подтвердить мой рассказ в Мессине, и за то, чтобы ты, в случае чего, вовремя остановил своего ретивого братца.

– Анри?! – взвизгнул тот, кого смуглый называл Гийомом. – Уж не хочешь ли ты сказать, что в случае чего поручишь мне его убить?

– А то ты скажешь, что любишь его? – вкрадчиво спросил

смуглый.

– Скажу, что ненавижу! Но ни за что не стану с ним связываться... Он укокошит пяток таких, как я!

Смуглый ближе подошел к своему сообщнику и снизу вверх пристально посмотрел в его лицо.

– А знаешь... Как ни ненавижу я короля Ричарда, но не стану лгать и говорить, что в честном бою я мог бы с ним совладать... Однако вполне надеюсь отправить его ко всем его славным предкам! Думаю, если ты научишься шевелить своими куцыми рыцарскими мозгами, то тоже сможешь побеждать тех, кто в открытой схватке победил бы тебя. Прощай. Мне не нравится, что кто-то, пускай даже дикие звери, рылись в моих вещах. Правда, все на месте, но спокойно ночевать здесь я сегодня уже не смогу. Я ухожу, а завтра отправлюсь в Париж. Ты же должен постараться задержать графа и принцессу еще на пару дней, чтобы мне наверняка успеть подменить собой французского рыцаря. Коль скоро Анри Шампанский поручил тебе все сборы в дорогу, ты легко сможешь их немного затянуть. А уж в Париже я сам буду решать, ехать ли тебе со мной в Мессину.

– Я бы лучше остался! – воскликнул Гийом уныло. – Что-то у меня нет никакого желания даже ненадолго становиться крестоносцем...

– Я знаю, что тебе плевать на свою веру и на вашего Бога! – через плечо уронил смуглый, вскинул на плечо свой мешок и, как тень проскользнув в проем, исчез.

Все это время Луи раздумывал, стоит или не стоит ему сейчас себя обнаружить. В разговоре этих двоих он понял далеко не все, однако главное было совершенно очевидно: загадочный смуглый человек, говорящий со странным акцентом, скорее всего, сарацин и относится именно к тем самым страшным слугам Старца горы, убийцам-ассасинам, о которых писал прадед Эдгара, про которых Луи столько слышал от других крестоносцев. Свои намерения смуглый высказал более чем откровенно: он получил приказ своего повелителя убить одного из главных вождей Третьего крестового похода – английского короля Ричарда, а если потребуют обстоятельства, то и короля Франции. А для этого ассасину необходимо проникнуть в стан крестоносцев в Мессине и получить возможность оказаться вблизи христианских королей... Поэтому он собирается выдать себя за посланца Филиппа-Августа, то есть за него, графа Луи Шато-Крайона. Но при живом графе Шато-Крайоне он этого никак сделать не сможет, а потому...

Будь у Луи с собой меч или арбалет, он бы не раздумывал. Захватить ассасина, доставить его к графу Анри Шампанскому (тем более, коль скоро граф, оказывается, не в Париже, а здесь, вблизи Лиона, и принцесса Алиса тоже!), а уж там пускай граф, о котором молодой рыцарь слышал немало восторженных рассказов все от тех же рыцарей, находит способ развязать язык поедателю хашшиша. Спутник этого негодяя, хоть он, по его же словам, брат знаменитого графа

Анри, судя по всему, отменный трус и опасности не представляет. Однако, имея только кинжал, вступать в бой с двумя противниками все же рискованно, тем более, если у одного из них мощный лук, а у другого, возможно, отравленный нож. И этот другой – специально подготовленный убийца. Все это могло бы и не остановить Луи, не будь с ним рядом девушки – о ней он в любом случае должен был позаботиться. И потом, при всей своей отваге молодой рыцарь вовсе не был так уж бесшабашен, чтобы не сознавать, какую важнейшую тайну он сейчас подслушал и как необходимо предотвратить заговор ассасинов, то есть успеть предупредить двух великих королей...

«Как хорошо, – подумал Шато-Крайон, – что мои конь и сокол остались по другую сторону мельницы, и эти двое их не могли заметить. Не то мое присутствие было бы обнаружено сразу, а тогда они нипочем не стали бы вести здесь своих разговоров. Еще чудо, что не догадались посмотреть за кусты! Кошачьи следы сбили их с толку...»

И тут, стоило только Луи вспомнить про кота, как тот сам о себе напомнил. Да еще как! За время совещания заговорщиков Саладин успел отъесть солидный кусок от остатков колбасы, но переусердствовал и в конце концов выронил оставшуюся часть под ноги рыцарю. Это привело зверюгу в бешенство, и он испустил отчаянный вопль, снова принявшись царапаться и брыкаться.

Гийом в это время уже собирался покинуть развалины.

Вероятно, он выжидал, чтобы дать уйти подальше смуглому, которого не без оснований побаивался. Пронзительное «мя-а-а-а-у-у» заставило негодяя вздрогнуть. Он начал растерянно оглядываться, с одной стороны, понимая, что это вопил всего лишь кот, с другой стороны, почувствовав нечто неладное: просто так и кошка не подаст голос, раз орет, значит есть причина, и этой причиной может быть человек!

Весь напрягшись, оглядываясь по сторонам, будто застуканный воришка, заговорщик шагнул сперва к проему, в котором исчез смуглый, затем метнулся в противоположную сторону – крик кота явно раздался из кустов жимолости.

– О Боже, он увидел нас! – прошептала девушка, и Луи, хотя и не касался ее, ощутил, как она задрожала.

Однако Гийом вначале не мог их видеть, а вот услышать ее шепот мог вполне. И, взглядевшись, вероятно, заметил цветные пятна в зеленой завесе ветвей.

– Выходи! – завизжал он, выхватывая из колчана стрелу и стремительно натягивая лук. – Кто бы ты ни был! Выходи, или я выстрелю!

– Стреляй!

Луи выступил вперед, и его грудь оказалась на расстоянии вытянутой руки от железного наконечника стрелы. Он понимал, что не успеет даже обнажить кинжал. Однако у него нашлось оружие не хуже. Замахнувшись, юноша со всего размаху швырнул прямо в лицо Гийому дико завопившего кота.

Саладин не подвел ожиданий рыцаря. С лету он вцепил-

ся в физиономию заговорщика всеми четырьмя лапами, то есть двадцатью острейшими крючками своих великолепных когтей.

– А-а-а! – заорал Гийом.

Стрела, сорвавшись с тетивы, улетела куда-то вверх, а сам заговорщик с отчаянными воплями рухнул и покатился по земле, изо всех сил пытаясь оторвать серое чудовище от своей головы. Впрочем, Саладин почти сразу его выпустил и с новым воинственным кличем взлетел по стене, откуда разразился целым залпом кошачьих угроз и проклятий.

Лишнее говорить, что «храбрец», падая, уронил свой лук, и рыцарь сразу завладел им. Он обнажил и кинжал, не столько опасаясь Гийома, сколько думая, что смуглый, уйдя не так далеко, мог их услышать и повернуть назад. Но ассасин не появился в проеме, а его сообщник, едва избавившись от кота, вскочил на ноги и, схватившись обеими руками за свою окровавленную физиономию, ринулся наутек.

Луи никак не ожидал такого немедленного и позорного бегства. Впрочем, он мог бы попытаться догнать негодяя, но, во-первых, решил не бросать свою спутницу, во-вторых, не тратить времени на беготню по лесу.

– Улю-лю! – крикнул он вслед убежавшему.

И повернулся к кустам жимолости.

– Выходите, мадам! Мы с доблестным Саладином победили врага.

Девушка выступила на свет, и тут рыцарь увидел на ее ру-

мяных щеках дорожки слез. Она плакала не от страха, что-то иное было причиной ее рыданий.

– Мерзавец, вот мерзавец! – повторяла она, всхлипывая и пытаясь вытереть слезы рукавом рубашки. – Скотина, предатель!

– Вы об этом герое, что сбежал от кошки? – небрежно спросил Луи. – Он назвал себя не больше не меньше как братом знаменитого графа Анри Шампанского.

– Да он на самом деле только называется его братом, – пытаясь справиться с собой, сказала красавица. – Граф Эдмунд Шампанский был женат дважды. Он дал свое имя сыну первой жены, но почти все деньги и графство Шампань оставил Анри. Гийом старше Анри на десять лет и ненавидит его, как первого врага. Однако кто бы мог подумать, что он дойдет до такой... такой... такой мерзости! Послушайте, нужно скорее послать кого-то в Париж! Этот страшный человек... тот, что был с Гийомом, ведь убьет рыцаря, которого прислал Филипп.

– Не убьет, – покачал головой юноша. – Не убьет, потому что в Париже этого рыцаря нет. И не будет. Рыцарь здесь. И в настоящий момент перед вами.

– Вы?! – она была так поражена, что даже перестала всхлипывать. – Вы и есть тот, кто...

– Ну да, мадам, я и есть. Я ведь говорил вам в начале нашего знакомства, что еду с поручением от его величества. А вот кого и в самом деле нужно предупредить и как можно

скорее, так это графа Анри и принцессу Алису, если они и вправду остановились где-то поблизости.

– Граф Анри остановился в замке Брюи, – голос девушки звучал уже твердо, и совершенно твердым стал ее взгляд. – Если вы возьмете меня к себе в седло, мы будем там меньше, чем за полчаса. Только нужно поймать Саладина...

– Попробуем!

И, подобрав упавший кусок колбасы, Луи поднял его как можно выше:

– Кис, кис, кис! О, повелитель магометан и сокрушитель заговорщиков! Идите-ка сюда: вы кое-что потеряли...

Кот перестал завывать, принюхался и с гордым видом слетел по стене вниз.

– Прошу, ваше высочество! – Луи низко поклонился. – Ведь я не ошибаюсь: вы – принцесса Алиса?

– Вы не ошибаетесь, – ответила она. – Думаю, нам стоит подождать, пока Саладо прикончит колбасу, а после поедем как можно скорее. Хотя... – и тут она презрительно сморщилась, – Гийом сейчас уж точно не вернется в замок. Он – полное ничтожество.

Глава девятая

Граф Анри

Замок Брюи стоял так удачно, как только может стоять любой замок рыцаря. На небольшом, почти круглом островке посреди озера, тоже очень небольшого, но глубокого, так что копать рвы вокруг цитадели баронов Брюи необходимости не было. Напротив, лет сто назад с восточной стороны замка была устроена насыпь, приблизившая берег к его воротам и позволившая соорудить подъемный мост. До того и к замку, и от него плавали на лодках. Это было очень удобно, если цитадель приходилось защищать, и очень скверно, если нужно было преследовать отступающего врага – ну-ка, переправь быстро и без потерь, под возможным обстрелом с берега, полсотни воинов! А бароны де Брюи были воинственны и редко ограничивались тем, что просто давали своим недругам отступить...

У нынешнего владельца замка и окрестных земель, Жерара де Брюи, тоже была некоторая дружина, но она уже никак не насчитывала пятидесяти человек, да и половины того в ней не было: часть дружины взяли с собой в крестовый поход двое сыновей старика Жерара. Оба они были живы-здоровы, по крайней мере, таковые известия ему привозили уже пару раз, и барон клял себя на чем свет стоит, что не удосужился обучить наследников грамоте – могли бы ведь и сами напи-

сать отцу, но тот и другой едва умели выводить собственные имена. Еще у барона было целых четыре дочери, и троих он уже удачно выдал замуж, а четвертая, которой только-только минуло четырнадцать, жила пока при отце и считалась в скором будущем неплохой невестой – хоть богатства семьи и подтаяли, однако за Матильдой было что дать жениху.

Но дочь есть дочь, с ней не поедешь на охоту, не побьешься на палках во дворе замка, не выпьешь под хорошую дичь выдержанного вина. Жерар де Брюи скучал в своих владениях, особенно после смерти старого приятеля и вечного должника Гюи Шато-Крайона. Поэтому приезд, пускай и на самое короткое время, графа Анри Шампанского стал для него подарком.

Правда, вначале, как снег на голову, явилась с небольшой свитой и с самой небольшой охраной принцесса Алиса и объявила, что просит защиты в стенах замка Брюи. Оказывается, ей сообщили, что брат, король Филипп-Август вот-вот придет за нею кого-то из своих рыцарей, чтобы привезти сестру в Мессину и выдать за Ричарда Львиное Сердце. А она отлично знает, что Ричард вовсе не любит ее, и руки ее добивался только затем, чтобы заключить прочный союз с их отцом, королем Луи Седьмым[12].

Барон растерялся. С одной стороны, просьба дамы, да еще царственной особы, налагает на рыцаря обязательства – выставить принцессу из замка он уж никак не мог. С другой стороны, – а что если Филипп-Август узнает, куда скрылась

сбежавшая из Парижа сестрица, и пришлет за ней, да еще, может, не одного а десяток рыцарей? Всяко, вассал не сможет противиться воле короля!

Поэтому, когда к замку подъехал всего с двумя оруженосцами добрый знакомый старого барона, владелец богатой Шампани граф Анри, старик очень ему обрадовался. Да и Алиса, искренно любившая своего славного родственника, не рассердилась и не слишком расстроилась. Последние два месяца граф, вернувшийся из-под стен Птолемиады, в осаде которой он участвовал целый год, жил в Париже и много общался с принцессой. Ее бегство не удивило храброго вояку, он не стал поднимать шум, решив, что успеет догнать, уговорить и вернуть беглянку до приезда королевского посланца, а если тот и приедет раньше, то подождет. На этот случай граф распорядился как следует принять и устроить рыцаря в королевском замке. Хотя история была неприятная и глупая (в душе Анри жалел Алису, но понимал, что ехать в Мессину ей нужно для своего же блага: надменный Филипп никогда не простит сестре неповиновения).

– Проходите, проходите! – старая полная служанка, будто сарацин, повязавшая голову целой простыней, даже не смутилась, увидав рядом с принцессой совершенно незнакомо-го молодого человека. – Мессир граф уже заволновался: вы ведь отправились гулять пешком, мадам!

И вдогонку крикнула:

– А кто это с вами, ваше высочество?

– Посланный его величества! – не оборачиваясь, отвечала Алиса.

Брюи напоминал графу Шато-Крайон его родовой замок, хотя и был куда богаче и ухоженнее. В нем не замечалось и следа того разорения и запустения, до которого бедность довела владения его отца, однако расположение построек, система лестниц и дворов, – все это было весьма похоже почти во всех замках, построенных примерно в одно время.

Поэтому Луи не удивило, что Алиса повела его к донжону[13], а войдя, стала подниматься на второй этаж. Миновав лестницу, они вошли в просторную комнату и застали там старика-барона и его гостя, которые, сидя за дубовым столом, яростно сражались. То было сражение, при котором не нужно никакого оружия – перед противниками лежала на столе большая квадратная доска, расчерченная на мелкие, светлые и темные квадратики, и в этих квадратах располагалась армия: маленькие, искусно вырезанные из черного дерева и слоновой кости фигуры – короли, воины, кони, боевые слоны, даже осадные башни. Эту удивительную игру, которую арабы давным-давно узнали от жителей далекой Индии, некоторые из крестоносцев привезли в свои страны еще после первого крестового похода. Граф Анри слышал о ней, а находясь в Палестине, научился в нее играть и привез маленькое «поле сражения» в родную Шампань, а потом забрал с собою в Париж.

– О! А вот и малышка Алиса вернулась! – воскликнул ба-

рон Жерер, отрываясь от игры. – Слава Богу! Я не могу справиться с твоим дядей, девочка: он обыгрывает меня уже в четвертый раз. Эти фигурки, я думаю, заколдованные – они ходят так, как ему хочется, а я, как ни бьюсь, не могу в них разобраться.

– Мессирь! Оставьте пока игру! – повелительным тоном произнесла Алиса. – Со мною пришел человек, которого мы с дядей должны были встретить в Париже. Полагаю, что полчаса назад он спас мне жизнь.

– А что такое? – резко спросил Анри и поднялся из-за стола.

В эту пору графу Анри де Труа, которого все называли графом Шампанским, минуло двадцать девять лет. Он был среднего роста, светловолос, голубоглаз и, если не красив, то все же по особому хорош собою – в его ладной, крепкой фигуре ощущались сила и стать, хотя ходил чуть-чуть вразвалку, а сидя чуть-чуть сутулился.

Алиса называла его дядей, Филипп-Август – «братцем», хотя на самом-то деле и ему, и ей он приходился не братом и не дядей, а... племянником! Он был старше короля на четыре года, а принцессы на десять, но его мать, тем не менее, была им сводной сестрой, потому что родилась от брака знаменитой Элеоноры Аквитанской с королем Луи Седьмым. Правда, об этом редко вспоминали. И граф Анри, искренне любивший живую непоседливую Алису, кажется, всерьез верил, что он ей дядя.

В Третьем крестовом походе граф участвовал с самого начала и успел прославиться не только своей бесспорной отвагой и воинским искусством, но также удивительной щедростью. Да, он был богат, но многие не менее богатые графы, князья, герцоги не тратили на войну и четверти того, что вложил в нее Анри, твердо убежденный, что для святого дела нельзя жалеть даже жизни, а уж она в любом случае стоит дороже денег... Одни только осадные башни, которые построили для штурма неприступной Птолемиады, обошлись графу в тысячу пятьсот золотых червонцев. Они просуществовали недолго – одна за другой эти великолепные машины сгорели у стен могучей крепости.

Получив серьезное ранение, Анри Шампанский уехал назад во Францию, но вовсе не потому, что решил отойти от Крестового похода: просто ему нужно было выжать из своих владений новые средства на вооружение и боевые приспособления, а также, по возможности, набрать новые отряды. Два таких отряда он уже отправил из Парижа под командой знакомых рыцарей, и вскоре собирался отправиться назад сам, а тут как раз пришло известие, что Филипп-Август намерен послать за Алисой. Нет, Анри не собирался заменить собою ее провожатого – он вовсе не был уверен, что царственная невеста застанет в Мессине своего жениха, да и свадьба могла вдруг расстроиться (характер Ричарда Львиное Сердце граф Анри знал очень неплохо!), а в этом случае вдруг придется везти девушку назад во Францию, что

совершенно не устраивало воинственного шампанца. Но поехать вместе с нею и с ее сопровождающим – а почему бы и нет?

– Так что такое произошло? Что угрожало Алисе? – спросил Анри, прямо обращаясь к Луи и даже не спрашивая, кто он такой.

Тем не менее, Луи назвал себя и во всех подробностях рассказал о случайной встрече с принцессой, о том, как хвостатый Саладин спрятался в развалинах мельницы, и какое страшное открытие они с Алисой сделали благодаря ему.

– Так! – проговорил граф, когда рыцарь умолк. – Ну, спасибо. Знал я и прежде, что мой братец Гийом – последний мерзавец, однако это уже слишком... Продаться ассасинам... Тьфу! Знаете, – тут он пристально поглядел в лицо Луи и улыбнулся, будто почувствовал в нем человека, близкого ему по натуре, – знаете, мессир, я ведь побывал в самом логове этих убийц. И видел Старца горы. Это случилось, когда я, ненадолго оставив лагерь, ехал в один из палестинских городов. Мне встретились сарацины и отчего-то не напали, а пригласили поехать с собою, но когда мы доехали до гор, завязали глаза. Идиоты! А то я по времени и по тому, сколько раз конь шел вверх и сколько раз под уклон, не нашел бы, если надо, того места, куда меня привезли... Я видел и их крепость, и оружие. Видел, что их действительно много – тысячи. Думаю, они и не убили меня потому, что хотели внушить трепет и надеялись, что я моим рассказом напугаю осталь-

ных христиан. Не на того напали! Но то, что этот их Старец мне показал, было и впрямь мерзко и страшно. Желая показать, как беспрекословно ему повинуются эти несчастные, одурманенные отравой люди, он приказал одному из них: «Умри!» И тот тотчас пронзил себя кинжалом! [14] А этот хвастливый разбойник еще ухмылялся: «Если я прикажу, все, кого вы тут видите, тотчас лишат себя жизни!» Меня так и подмывало сказать: «Прикажи!» А уж оставшись с ним вдвоем, я бы показал ему кое что другое. Но, думаю, он очень не идиот. Кстати, они называют его бессмертным, хотя я знаю точно, что с момента возникновения их тайного союза, а он возник около ста лет назад, Старцы менялись по крайней мере четыре раза.

– Смертны они или нет, – заметил Луи, не без содрогания слушавший рассказ храброго крестоносца, – но от этого они не менее опасны. Что вы намерены делать?

– Что? – поднял брови Анри. – Ехать с вами и с моей милой тетей-племянницей на Сицилию. Я бы поехал прямо в Палестину, но хочу, раз так, увидеть Филиппа-Августа как можно скорее. Да и Ричарда нужно предупредить, он ведь мне тоже дядя... Гийома сейчас можно не опасаться – вы хорошо напугали эту свинью, и он из одного страха, что я могу узнать о его предательстве, уже не покажется мне на глаза. А вот тот, второй, видимо, очень опасен. Мы выиграли время – пока убийца едет в Париж, покуда убедится, что рыцарь от короля туда не явился, пока узнает, что мы с Алисой уже в

пути, нам, возможно, удастся добраться до Мессины. Ассасин наверняка пустится следом – он не остановится и придумает новый план, как подобраться к королю. Поэтому отправимся уже завтра утром. Вы сможете собраться так быстро, граф?

Луи пожал плечами:

– Да мне, собственно, и нечего собирать. Правда, я хотел поискать себе оруженосца, но в конце концов обойдусь.

– Я дам вам одного из своих, – решительно заявил Анри и тут же подмигнул Алисе: – Видишь, девочка, сама судьба хочет, чтобы мы с тобой туда поехали. Любишь ты короля Ричарда или нет, думаю, смерти его ты не хочешь так же, как и мы все. А посему наш добрый барон угостит нас на прощание знатным ужином, даст в дорогу побольше своего славного вина, и на рассвете мы покинем добрую Францию.

Часть II. БАЛЛАДА О РЫЦАРЕ И ПРИНЦЕССЕ

Глава первая К чему ведет незнание языка

Эдгар спешил, подгоняемый не только словом, данным Луи, но и все тем же неудержимым стремлением испытать свои силы, той же жаждой новых событий и приключений, что овладела им после прочтения прадедовой рукописи.

Путь от Лиона до Гавра занял у них с Ксавье всего четыре дня, хотя в течение двух дней подряд шли дожди, и приходилось скакать по размытым дорогам, скользившим под копытами их коней, в прилипшей к телу насквозь мокрой одежде.

Малыш Ксавье проявил необычайную для пятнадцатилетнего подростка выносливость, ни разу не показав усталости, не прося отдыха, не жалуясь на голод, хотя они делали долгие переходы, порой давая отдохнуть коням, но не слезая с седла и не развязывая сумок с провизией. Причиной тому была не только и не столько спешка: хоть Эдгару и не приходилось прежде пускаться в долгие путешествия, от отца, от Луи, от многих, с кем приходилось общаться кузнецу, он хорошо знал, как небезопасны бывают проезжие дороги и как

опасно иной раз в глухом и безлюдном месте сходить с коня и устраивать беспечный привал. Тем более путникам, у которых кони славные, сбруя достаточно богатая, а одежда выдает определенный достаток. Зато на постоялых дворах, где странники ночевали, им приходилось тратить не так уж много денег – Эдгар заказывал к столу только немного вина и хлеб – добросердечный барон Раймунд нагрузил походные сумки сына парой хороших кусков копченого свиного окорока, дюжиной колбас, мешочком сушеных груш и десятком печеных голубей. Большую флягу превосходного вина он тоже дал сыну, однако эту флягу Эдгар пока берег, думая, что им с Ксавье может выпасть ночь и под открытым небом, и вот тогда этот запас очень даже не помешает, а на постоялых дворах вино хоть и похуже баронского, но тоже неплохое.

В Гавре им повезло – барка через Ла-Манш отправлялась в тот же день, в день их прибытия, и капитан не взял дорого за перевоз путников и их лошадей, тем более, что кроме них вместе с лошадьми переправлялось еще человек десять разного люда. Однако моряки не зря бранят зловредный пролив: едва успела переполненная барка отвалиться от пристани, поднялся ветер, и вскоре сильно заштормило. Люди переносили качку кто как умел, стараясь лишь держаться ближе к мачте и дальше от лохматых вздыбленных пенными хребтами валов, что так и норовили залить зыбкую посудину, захлестнуть и потопить. Эдгар впервые обнаружил, что совершенно не подвержен той дурноте, от которой страдают и иные мо-

ряки – при взлетах барки с одной волны на другую у новоявленного рыцаря не кружилась голова, к горлу не подступала тошнота, в глазах не темнело, и сердце не проваливалось в живот. Так же равнодушен к шторму остался и Ксавье, не проявивший ни малейшего страха, он, ко всему прочему, умел плавать, как, впрочем, и его молодой господин. Хуже всех было лошадям – едва судно стало мотать из стороны в сторону и заливать волнами, животные просто обезумели. Привязанные в центре барки к креплениям мачты, они начали метаться, натыкаясь друг на друга и на людей, грозя их покалечить, или, еще того хуже, расшатать мачту. При этом глаза коней полезли из орбит, а из глоток вырывалось уже не ржание, а жуткий утробный рев, который лошади издают лишь в состоянии крайнего ужаса. Люди, впервые услышавшие эти звуки, зачастую приходят от них в ужас, принимая за вопли нечистой силы...

Капитан барки кричал хозяевам лошадей, чтоб они поскорее умили коней – их прыжки и рывки могли еще сильнее раскачать и без того сотрясаемую штормом посудину. Но люди боялись приближаться к скопищу обезумевших животных.

Не испугались только Эдгард и его оруженосец. Кузнец живо протиснулся к своему коню и, ухватив его могучей рукой под уздцы, заставил стоять смирно. Он умирил одного жеребца. Ксавье достаточно быстро справился со всеми остальными. Мальчик подходил к мечущимся в ужасе жи-

вотным, без всякого трепета брал обеими руками за оскаленную морду и начинал что-то быстро говорить, поглаживая шею и холку каждого коня. И конь переставал реветь и скакать, останавливался, будто внимательно слушая речь подростка, затем опускал голову и застывал, лишь вздрагивая при очередном толчке волн. Вскоре все лошади стояли спокойно.

– Мне бы следовало вернуть вам плату за перевоз! – проворчал хозяин барки, когда час спустя они благополучно причалили к пристани в Дувре. – Эти твари вполне своротили бы мачту, а то и борта бы испортили. Был ведь случай, когда корабль затонул из-за того, что на нем вот так же взбесились лошади, ей Богу, был! Где вы взяли этого мальчишку, господин рыцарь? Ему же цены нет!

– Я тоже так думаю! – улыбнулся в ответ Эдгар и поманил к себе оруженосца: – Ну как, Ксавье, нравится тебе путешествовать?

– Очень! – совершенно искренне ответил мальчик. – Я люблю и охоту, и вообще жизнь в замке, но все это куда интереснее!

С этими словами он без раздумий отвязал своего и хозяйского коней и, сбежав по сходням на берег, свистнул. Оба скакуна разом ринулись прочь с судна и через несколько мгновений стояли перед улыбающимся Ксавье, в то время, как другие переправлявшиеся на той же барке люди с усилием тащили за поводья своих упиравшихся животных: дрожа-

щие под копытами сходни казались лошадям еще ненадежнее зыбкой палубы.

Дальнейшее путешествие обещало быть достаточно легким: от Дувра до Кентербери, где, по словам Луи, ожидали королевского посланника две благородные дамы, было не более сорока лье, значит, проделать этот путь можно было в один день.

Но Эдгар на этот раз уж слишком заспешил – ему не терпелось продолжить путь и достичь Мессины, а оттуда... Дальше мечты рисовали юноше лишь призрачные картины – он не представлял себе, как может сложиться его дальнейшая судьба, если он сумеет благополучно довести королеву и принцессу до Сицилии. Так или иначе, взглянув на солнце, он решил, что раз полдень еще не наступил, можно отправляться немедленно, не устраиваясь на ночлег в Дувре.

И тут же путники столкнулись с препятствием, о котором Эдгар вначале не подумал. От портового города вели несколько дорог. Как узнать, которая ведет в Кентербери? Местные жители, к которым при выезде из Дувра стал обращаться кузнец, по-французски не говорили. Луи рассказывал другу, что все рыцари в Англии, а уж тем более приближенные к королевскому двору, знают французский язык, многие знают его даже лучше английского[15]. Но рыцари на дороге не попадались, а крестьянам или едущим по делам ремесленникам язык франков был совершенно незнаком. Правда, они, конечно, понимали слово «Кентербери» и

тут же, с готовностью кивая головами, принимались объяснять, как туда проехать. Но из потока английских слов можно было лишь понять, что по дороге предстоит два-три раза свернуть. А куда? Кроме того, торговец, которого Эдгар остановил последним, разразившись длинной речью, еще и начал во всю размахивать руками, дополняя слова жестами, так что в конце концов совершенно запутал путников. Эдгар даже начал думать, что англичан напрасно считают более сдержанными, чем французов – до сих пор при нем так жестикулировали лишь выходцы из Прованса или Бургундии, да еще итальянцы, но им, наверное, сам Бог велел...

– Ладно, Ксавье, – вздохнул наконец лже-рыцарь, – поедем по солнцу. Направление я более или менее помню. Думаю, к ночи мы доберемся до Кентербери.

Однако они, видимо, все же сбились с пути. День клонился к закату, места, по которым путники проезжали, становились все безлюднее, и ничто не указывало на то, что они приближаются к большому городу.

– Делать нечего! – вздохнул Эдгар. – Придется остановиться на ночлег, а уж утром постараться вытянуть из этих любителей махать руками и посылать добрых людей неведомо куда, как нам добираться.

– Я не вижу никакого жилья, – оглядываясь, отозвался Ксавье. – Не то что постоянного двора, даже какой-нибудь лачуги не видно.

– Значит, нужно свернуть вон в ту рощу, что на скате хол-

ма. Посреди дороги ночевать небезопасно, а там деревья нас укроют, и мы по очереди поспим на своих плащах. К счастью, сейчас не холодно, небо ясное, значит, и ночь будет лунная, луна ведь едва-едва начала уменьшаться после полнолуния.

Путники въехали в тисовую рощицу, когда солнце уже зависло над самым горизонтом, но, к счастью, еще не стемнело. Едва французы проехали немного меж мощными стволами деревьев, как склон холма неожиданно оборвался чуть не под их ногами. Оба юноши невольно резко натянули поводья.

– Святая Дева! – воскликнул Эдгар, не без дрожи поглядев вниз. – Да ведь еще пара шагов, и мы бы сломали себе шеи!

Обрыв оказался почти совершенно вертикальным, и высота его была не менее сотни туаз[16], так что падение с него действительно закончилось бы, скорее всего, гибелью обоих путников. Правда даже на такой крутизне росли, цепляясь корнями за каждый выступ земли, редкие кусты и небольшие деревца, но едва ли падающие успели бы уцепиться за эту чахлую поросль, да и могла ли она их удержать?

Меж тем вид, открывшийся с высоты, был достаточно живописен. Внизу открывалась долина, частью заросшая лесом, частью открытая, с редкими кущами кустов, с небольшими оврагами, с быстрой, неширокой речкой. Дальше вновь тянулся лес и начинался пригорок, а уже за ним, на самом го-

ризонте, вырисовывались башни с острыми шпилями, и вились дымки над невидимыми крышами города.

– Вот он, Кентербери! – с досадой произнес Эдгар, на всякий случай заставив своего Брандиса сделать несколько шагов назад, подальше от страшной крутизны. – Это мы, выходит, свернули от него на восток и вон куда уехали! Придется вернуться к последней развилке дорог, а это часа четыре езды. Да еще потом день ехать до города. По прямой-то недалеко, но с этой стены не спуститься, по крайней мере, лошади точно не спустятся, даже если обрыв не везде так крут.

– Да и лес за долиной, – заметил благоразумный Ксавье. – Кто знает, можно ли через него ехать?

– Да нет, повернем, тут и обсуждать нечего! – досаде Эдгара не было предела: мечтать о великих подвигах и не суметь правильно найти дорогу в населенных местах (а ведь англичане лопотали что-то о том, что не надо сворачивать влево, но поворотов тут и до и после хватало, и левых, и правых!)... – А сейчас, малыш, нам придется прямо тут и заночевать, не то еще час, и станет темно.

В это время внизу, в долине, послышался звук рога, и оба юноши невольно подались вперед в своих седлах, понимая, что сейчас увидят чью-то охоту. И увидели, но только охоту совершенно необычную. Из густых зарослей отдаленного леса выскочил крупный олень и изо всех сил помчался через прогалину к реке, за которой темнела небольшая рощица. Должно быть, зверь рассчитывал пересечь реку и успеть

исчезнуть среди деревьев, покуда его преследователи минуют быстрый поток. К удивлению смотревших сверху путешественников, за оленем не устремились в погоню собаки. Из леса показался всадник, но всего один. Именно он и трубил в рог, как подобает охотнику, загоняющему дичь, но только то был не призыв к остальным охотникам, потому что остальных не было. Всадник трубил для самого себя, то ли из озорства, то ли следуя традиции, хотя в ней на сей раз не было никакого прока. Он тут же и оставил рог, прицепив его к поясу, и взялся за лук.

– Смотри-ка, Ксавье! – вскричал Эдгар, сильно удивленный происходящим: чего-чего, а охот он перевидал в жизни немало, будучи сыном самого знаменитого в окрестностях Лиона охотника. – Смотри-ка, вот это лук! Большущий и тяжелый, как копье... Говорят, с такими луками норманны высадились в Ирландии[17]. Их делают из вяза. Стрела такого лука может пробить толстую доску, самую крепкую кольчугу и даже щит! Но стрелять из него на скаку... Это ведь тебе не арбалет! Силищу-то какую иметь надо... И как держаться в седле! А этот охотник, кажется, еще и не молод – мне отсюда видно, как его голова блестит серебром, точно начищенная монета...

Действительно, даже издали было видно, что голова всадника совершенно седая. При этом, несмотря на расстояние, было заметно, что это человек необычайно крупный и мощный – его конь казался маленьким, хотя то был явно здоро-

венный английский жеребец, из тех, что в последние годы стали разводить в здешних местах. Этим коней предназначали для сражений, и они должны были без устали таскать на себе всадников в кольчугах, шлемах, поножах, с мечами, копьями и щитами.

Эдгар ожидал, что всадник все же спешится, чтобы послать стрелу вдогонку стремительно убегаящему оленю. Однако охотник, видимо, понял, что если промедлит, великолепное животное успеет исчезнуть в лесу. Олень и в самом деле уже вбежал в неглубокую реку и почти одолел ее сильное течение. Его копыта скользили по камням, но он прыжок за прыжком приближался к спасительному берегу, за которым темнела роща.

Не останавливая скакуна, почти не переменив положения в седле, охотник поднял громадный лук, расположив его горизонтально, и без видимого усилия натянул тетиву. Стрела сорвалась, помчалась вдогонку оленю и вонзилась ему в шею. Зверь вскинулся на задние ноги, сильно взбрыкнул передними и рухнул в воду чуть не посередине реки. Там, куда он упал, было мелко, однако туша почти целиком погрузилась в быстрые струи – торчали только рога и передние ноги животного.

– И как же теперь охотник его достанет? – недоуменно спросил Ксавье. – Я бы туда не полез.

– Да и я бы, – согласился кузнец. – А ведь мы с тобой умеем плавать! Однако, смотри – этот старый громила не боится

реки.

Охотник в это время спешился, положил на землю лук, скинул с плеч широкий плащ, стащил сапоги и преспокойно шагнул босиком в студеную воду. Он погрузился по пояс, потом по плечи, но течению было не справиться с ним. Шаг за шагом упрямец продвигался к оленьей туше, и вот уже вода оказалась ему по колена, а его добыча возле самых ног охотника. Тогда тот наклонился, одним движением подхватил и взвалил на плечи оленя, весившего по меньшей мере кантар[18], а то и больше, и двинулся обратно, к берегу, на котором оставались его конь и одежда.

– Прямо какой-то богатырь из старинной баллады! – прошептал Ксавье, понижая голос не из страха, что неведомый охотник сможет его услышать – тот был слишком далеко, а просто от изумления и восхищения. – Но, думается мне, вы, господин Эдгар, через десяток лет станете таким же. Или почти таким.

Кузнец добродушно расхохотался:

– Хотелось бы, но очень сомневаюсь. Силу мне Господь дал тоже немаленькую, но таких, как этот седой охотник, я вообще не встречал... Сдается мне, он и своего коня бы поднял, случись в том нужда. Вон, смотри, несет себе оленя, словно это коза! Ну вот, положил на седло. А сам не садится – жалеет коня. Так в поводу и повел... Значит, его жилье не так далеко.

Ксавье кивнул:

– Так и есть, наверное. Но нам-то от этого не легче. Вниз же мы не спустимся. Да и боязно что-то проситься на ночлег к такому странному малому!

– Ну, я бы не побоялся! – усмехнулся Эдгар. – Каков бы он ни был, это явно человек мирный: разбойники редко охотятся на оленей – чаще на людей. Ладно, малыш, давай-ка мы с тобой устроимся на ночлег, а для этого отъедем от обрыва: страшно привязывать коней прямо над кромкой.

Солнце меж тем садилось, стало темнеть, и молодые люди заспешили – надо было отыскать место для ночлега как можно скорее. Проехав вдоль обрыва шагов двести, юноши обнаружили несколько поваленных ветром старых деревьев, которые образовывали отличный заслон от ветра, если бы ночью он поднялся. К корням одного из этих деревьев, некогда мощного толстого тиса, они привязали коней и расстелили плащи меж стволом этого тиса и вывороченным вместе с землей и дерном громадным корневищем бука, который когда-то рос рядом. Земля здесь была устлана старыми листьями, которые оказались отличной подстилкой.

– Спим по очереди или вместе? – спросил Эдгар.

– На всякий случай лучше по очереди, – мальчик как обычно проявил осторожность. – Правда, лошади, если что, заржут, но все равно так спокойнее. Я первый буду караулить, можно?

– Нельзя. В этом случае ты будешь бодрствовать всю ночь – я тебя знаю. Первый я, а тебя разбуду, когда взойдет луна.

Спать, живо!

Глава вторая

Прерванный ночлег

Но Эдгару не пришлось будить своего оруженосца. Красноватое зарево восходящей луны едва начало разгораться на небосклоне, как чуткий Брандис негромко заржал. В том, что это – сигнал тревоги, не было сомнений, чистокровный жеребец был строптив, но достаточно невозмутим, слабые ночные звуки и шорохи или присутствие какого-нибудь мелкого зверька не встревожили бы его. Следом фыркнул и дернул поводья и конь Ксавье. Мальчик, проснувшийся, едва лошади начали проявлять беспокойство, быстро привстал и прошептал, различив в неверном свете темную фигуру Эдгара:

– Кто-то приближается к нам! И, наверное, это люди: окажись поблизости волк, медведь или кабан, лошади стали бы метаться. Но если к нам подходит человек, то почему мы его не слышим?

– Не знаю, – Эдгар уже стоял на ногах, держа наготове боевой топор.

Собираясь в дорогу, кузнец тщательнее всего подготовил себе оружие. И, кроме меча и копья, решил вооружиться также топором – он слышал от Луи, что есть немало рыцарей, которые в сражении предпочитают топор мечу. Он тяжелее, зато и удар получается мощнее, а для руки, привычной к мо-

лоту, такое оружие и удобнее...

– Разожги огонь, Ксавье! – громко скомандовал Эдгар. – Кто бы там ни был, он уже знает, что мы здесь, а мы не видим его.

– Сейчас увидишь! – раздался из-за поваленных стволов насмешливый голос, за которым последовал хохот, причем хохотали по крайней мере человек десять-двенадцать.

К чести маленького оруженосца, он не выронил от испуга огнива, но четко исполнил приказ своего рыцаря. Горка сухих сучьев, на всякий случай заранее приготовленных Эдгаром возле их ночлега, разом вспыхнула, и кузнец успел увидеть с десятков темных фигур, разом прорисовавшихся над громадой поваленного тиса. Неизвестные, должно быть, только что вскарабкались на толстый ствол, собираясь сверху обрушиться на путников. Следом за ними лезли еще человек пять. Слабый огонь неясно высветил их лица – можно было лишь различить грязные заросли волос, у всех примерно одинаковых, бороды разной длины, да глаза, мрачно сверкавшие, будто у зверья. Однако лезвия коротких мечей и топоров, тоже коротких, скорее лесорубных, а не боевых, сверкали куда ярче.

– Ксавье, спиной ко мне! – крикнул Эдгар, успев отскочить на несколько шагов, чтобы незваные гости не оказались и впрямь на его плечах, поднимая свое оружие. – Эй, вы, что вам надо?! Мы – мирные путники, и у нас нет денег!

– Это у рыцаря-то в полном вооружении пусто в кошель-

ке? – воскликнул один из незнакомцев. – Так я и поверил! Когда у вас нет денег, вы их берете у кого хотите и сколько хотите! Знаем мы вас, рыцарей... Да и ваши доспехи с оружием стоят немало, а уж лошадки – просто загляденье! На ярмарке в Дувре я за них выручу, пожалуй, не меньше четырех марок!

Название французского города прозвучало как раз вовремя. Эдгара тотчас осенило: ведь эти люди говорят по-французски, а не по-английски, хотя они уж точно не рыцари...

– Так вы франки? – воскликнул кузнец. – Но и мы тоже. Если даже вы разбойники, то неужто в чужом краю станете нападать на своих?!

Некоторых незнакомцев это, казалось, смутило.

– Может, они и вправду французы? – нерешительно заметил один из них. – Правда, рыцари и здесь лопочут по-нашему, но выговор все равно малость другой. Годится ли, коли так, резать им глотки?

Но предводителя (а в том, что первый из заговоривших с ними разбойников их предводитель, Эдгар уже не сомневался) никакие соображения поколебать не могли.

– Ты, Роже, давно стал таким добропорядочным? – рявкнул он на своего товарища. – Во Франции ты потрошил своих, не думая о родстве с ними, а как всадники руанского прево[19] погонялись за нами и заставили перебраться в эту тупоголовую Англию, где грабить толком некого, так ты сразу и полюбил французов?! Даже проклятых рыцарей, которые

только и делают, что дерутся да молятся, дерутся, да молятся! И грабят не меньше нашего, только их за это не вешают... Так, что ли?

Остальные загалдели, перебивая друг друга, и тут Эдгар возвысил голос:

– Ты что болтаешь о том, чего не знаешь, громила?! – рывкнул он. – Рыцари бывают всякие, как всякие мастеровые, всякие крестьяне, всякие воины, даже, прости меня Господи, говорят, всякие попы... Только если наш грешный мир, в котором льется столько крови и творится столько зла, что-то и спасает еще от геенны огненной, то это святая вера в Бога, молитвы праведников, а еще рыцарская честь! И если среди рыцарей, как среди всех прочих людей, попадаются иной раз бесчестные грабители, то среди вас-то, разбойников, – все такие!

Если бы в продолжение всей этой сцены молодой странник мог рассуждать хладнокровно, он, скорее всего, действовал бы точно так же. Это, во-первых, задержало нападение, и над лесом показалась луна, а во-вторых, позволило Ксавье занять позицию за спиной своего господина. Мальчик сжимал в руке меч, и хотя эта рука чуть-чуть дрожала, юный оруженосец стоял твердо, готовый драться. О том, что разбойники могут передумать и отпустить путников с миром, мечтать не приходилось – при всей своей неопытности Эдгар не раз слышал о лесных бродягах и очень хорошо знал, что никакой совести в них пробудить невозможно. Правда,

именно в Англии некоторые бродячие жонглеры[20] слагали и пели баллады о добром разбойнике по имени Робин Гуд, который будто бы грабил только богатых и помогал бедным, но верили этим сказкам только деревенские ребяташки да девчонки – народ отлично знал, что разбойники не бывают благородными, а обидой на знатных рыцарей и болтовней о справедливости прикрываются все головорезы.

Тем не менее, в душе Эдгар подивился пылкости собственных слов. И впрямь дух предка, носившего с ним одно имя, пробудился в юном самозванце – если он уже и не считал себя настоящим рыцарем, то, по крайней мере, чувствовал родство со всеми рыцарями на свете и готов был дать отпор хулителю рыцарства. Только вот разбойников было слишком много – человек пятнадцать, и драться путешественник умел, увы, не так славно, как его молочный брат Луи. Тот бы, верно, бросился в схватку с лесными головорезами, не задумываясь...

– Ах, ты еще и грубишь, сэр рыцарь! – завопил в ответ на гневные слова путника предводитель разбойников. – А я-то подумывал, не оставить ли вас в живых, ощипав ваши перышки!... Впрочем, могу и теперь еще сжалиться если только вы оба сложите оружие, снимете одежду и положите рядом с оружием... Штаны, так и быть, можете оставить – не резон мне, грубияну неумытому, любоваться на рыцарское достоинство! Только быстро, не то к утру волки оставят от вас только косточки... Видите, какой я добрый?

– Ты не добрый, ты просто трус! – расхохотался Эдгар. – Ты боишься моего топора, вот и пытаешься взять нас без драки. Небось понимаешь, что я трех-четырех из вас уж точно положу. Ну так не выйдет у тебя ничего: я знаю, что в живых вы никого не оставляете. Хотя, впрочем, если дадите уехать моему оруженосцу, я, может быть, и сложу оружие.

– Я не уеду! – закричал Ксавье, еще плотнее прижимаясь спиной к спине кузнеца. – Я не уеду, нет!

– Ну, так пропадайте оба!

Разбойники посыпались с толстого ствола, размахивая мечами и топорами, причем один из них так ловко спрыгнул, что пролетел вперед шагов на шесть и точно угодил под топор Эдгара. Кровь, хлынувшая на сапоги странника, впервые пролитая им человеческая кровь, так ошеломила юношу, что следующего удара он едва не пропустил, и подскокивший к нему разбойник успел опустить свой меч, однако природная быстрота спасла кузнеца. Он отшатнулся, и меч свистнул возле его виска, а в следующий миг он сшиб нападавшего кулаком левой руки, поскольку тот был слишком близко, чтобы можно было ударить топором. Потом он опять ударил, опять и опять, но уже не попадая по разбойникам – те, поняв, что он грозный противник, отступили и наседали с разных сторон, норовя кольнуть сбоку или сзади – однако Ксавье размахивал мечом будто сумасшедший, и к нему сложнее было подойти: он стоял почти вплотную к вывороченным корням дерева.

Предводитель разбойников меж тем вложил в рот три пальца и пронзительно засвистел. Из леса ответил такой же свист, и в чаще послышался глухой топот. Разбойников было еще раза в два больше, и те, что дожидались товарищей, теперь спешили им на подмогу.

«Конец, наверное! – подумал Эдгар и поразился, как спокойна была эта мысль. – Интересно: конец, а начала-то не было... Святая Дева Мария, прости меня и вступишь за мою грешную душу перед Создателем... Верно, я был не так уж и плох, а что зарубил этого головореза, так ведь в бою! Это же тоже бой... И до чего же жалко мальчишку Ксавье! Не мог отец дать мне с собою кого постарше...»

Кольцо нападавших медленно, но верно сжималось, и было очевидно, что они просто ждут, пока рука рыцаря устанет вращать в воздухе тяжелый топор, пока он не сделает какой-то ошибки, не оступится, топчась на месте, пока его явно куда более слабый оруженосец не уронит меч и не откроет спину своего господина. Правда, один из нападавших все же ошибся сам и, сделав неверный выпад, попал под топор. Лезвие вошло ему глубоко в плечо, разбойник с воплями покатился по земле, падая, сшиб кого-то из своих же товарищей, но остальных это разозлило еще больше. Из леса пришла подмога – еще человек семь громил, вооруженных не только мечами, но и луками.

– Разойдись, ребята, разойдись! – орали они. – Ну нечего махать железом! Лучше мы их положим стрелами. А так в

вас попасть ничего не стоит!

Однако разъяренные дракой разбойники уже не слышали призывов лучников.

И тут произошло нечто, разом изменившее картину.

Эдгар сразу даже не понял, откуда раздался звук рога и что он ему напомнил. И тут же увидал, как над все тем же стволом громадного тиса взвилась тень невероятных размеров. То был всадник, каким-то непостижимым образом заставивший коня перемахнуть через преграду высотой почти в целую туазу. В свете луны сверкнул меч непомерной длины.

«Такой три раза сдвинешь по наковальне, пока весь проработаешь!» – мелькнула у Эдгара дурацкая мысль.

Блестящее лезвие взвилось, опустилось и затем вновь поднялось, но уже не сверкая в свете луны. Вопли разбойников слились в один отчаянный рев. Вначале они, ошеломленные появлением всадника, попытались напасть на него всем скопом, но тотчас пожалели об этом. Прошло всего несколько мгновений, но уже не менее шести-семи тел корчились на земле в кровавых лужах, а остальные в ужасе отпрянули, пытаясь спастись бегством.

– Адское пламя! – завопил предводитель шайки, и его перекоренное лицо стало блее поднявшегося над лесом лунного диска. – Да ведь это тот самый демон здешних мест, Седой Волк... А я-то не верил!

С этими словами разбойник, уже не думая о своих гиб-

нущих товарищах, кинулся к коню Эдгара и, мигом перерезав узду, которой тот был привязан, попытался вскочить в седло. Однако Брандису вовсе не понравилось такое посягательство со стороны чужака, и он, развернувшись задом, так въехал копытами в грудь разбойника, что не помогла и кольчуга – хрустнули ребра, послышался отчаянный вскрик, а затем предводитель упал и остался неподвижен.

Остальные грабители метались меж стволами деревьев, норовя поскорее исчезнуть в чаще, но до густых зарослей было далеко, а луна светила уже во всю силу. Один из лучников пустил стрелу во всадника, и та, кажется, попала в его руку выше локтя, но всадник даже не качнулся в седле. Новый прыжок коня, и меч снес голову лучника с плеч так легко, будто то была головка цветка...

При этом грабители были опытными разбойниками, в самом начале, когда верховой так неожиданно возник между ними, иные из них попытались, применяя известный прием, подрезать ноги его коню, но всадник трижды, умело натягивая поводья, заставил могучее животное быстро обернуться вокруг себя, при этом длинный меч косил и косил нападавших.

Из двадцати бродяг, имевших несчастье в ту ночь напасть на французского странника, спаслись бегством человек пять-шесть. Один из них был тот, кого Эдгар свалил кулаком. Очнувшись от беспамятства и увидав, как ночной призрак крушит его товарищей, бродяга приподнялся и

уполз в кусты, доказав, что человек иной раз может передвигаться на четырех куда скорее, чем на двоих...

Глава третья

Седой Волк

Самым жутким во всем, что произошло на лесной прогалине возле упавших деревьев было полное молчание напавшего. Громадный всадник, настоящий великан, облаченный, как успели рассмотреть путники, в обычную кожаную куртку, без кольчуги или иных доспехов, не только не проронил ни слова, но вообще не издал ни звука, будто это и впрямь был не человек, а грозный дух леса. Только конь под ним сопел и фыркал, беспрекословно повинаясь каждому движению узды. И когда все кончилось, этот конь застыл неподвижно, не проявляя даже естественного для лошади возбуждения, вызванного пережитой опасностью и просто запахом крови.

Эдгар стоял и изумленно смотрел на грозное видение. Во время схватки всадника с разбойниками, точнее, во время их избиения, молодой человек сперва ринулся было помогать неизвестному, но тотчас и отпрянул: тому явно не нужна была его достаточно неуклюжая помощь, а находиться вблизи страшного меча кузнецу из Лиона показалось неосмотрительным. Впрочем, он вскоре узнал «лесного духа» — его непокрытая голова блестела в лунном свете чистым серебром, да и все остальное, одежда, конь, — все слишком походило на того самого загадочного охотника, которого они

с Ксавье видели несколько часов назад с высоты обрыва в мирной долине реки. Теперь, рассматривая этого человека с близкого расстояния, Эдгар убедился, что в первый раз глаза его не обманули: то был настоящий великан – сидя в седле, он казался ростом не меньше туазы, а скорее всего, и куда выше. Кроме того, у него был необычайно мощный торс, покоившийся, однако, на стройных и длинных ногах, так что этот человек явно не казался тяжелым и неуклюжим, причем не только сидя в седле. Лицо, окруженное не копной, а подлинной гривой седых волнистых волос, подстриженных по плечи, было под стать телу: большое, словно выкованное из светлого металла, с чертами жесткими, но правильными, оно вроде бы не носило отпечатка возраста. Морщины, довольно глубокие, пересекавшие лоб, резко отчеркнувшие щеки ото рта, украсившие острые стального цвета глаза, замечались не сразу, но и они были словно не росписью времени, а оттисками прожитых и пережитых страстей. О том, что незнакомец стар, даже, наверное, очень стар, вблизи не говорило ничто – об этом можно было лишь догадываться.

Несколько мгновений всадник смотрел на застывшего перед ним с поднятым топором молодого человека. Затем усмехнулся, вытер свой меч о гриву коня, вложил в ножны и легко соскочил с седла.

– Кто вы такие? – спросил он, первым нарушив молчание.

У него был очень правильный французский выговор, и это на сей раз ничуть не удивило кузнеца: он не сомневал-

ся, что незнакомец, несмотря на его простую одежду, конечно же рыцарь (об этом говорило не только умение владеть мечом, но осанка, взгляд, многое, что было хорошо знакомо лионскому мастеровому, знавшему о рыцарях совсем не понаслышке).

Эдгар бросил свой топор и, переведя дыхание, поклонился:

– Я из Франции. Еду с важным поручением от вашего короля Ричарда в Кентербери. Мое имя Эдгар Лионский.

Он назвался так вовсе не потому, что позабыл о своей роли. Они с Луи долго обсуждали, следует ли лже-рыцарю взять на время имя молочного брата. Однако в письме, написанном королем Ричардом своей матери английской королеве, имя посланца не упоминалось (молодые люди сперва боялись, однако в конце концов решились осторожно стянуть веревку с печатью и развернуть королевский свиток с тем, чтобы потом столь же осторожно вновь его запечатать). Возможно, Львиное Сердце позабыл, как зовут самонадеянного француза, рискнувшего дважды выйти с ним на поединок, а возможно, не хотел, чтобы имя посланца стало известно, если вдруг письмо каким-то образом попадет в чужие руки. Поэтому там стояло просто «молодой французский рыцарь, благородный и верный слову». И молочные братья решили, что честнее будет, если Эдгар так и назовется Эдгаром, а уж право называть себя «Лионским» испросит у отца. И старый барон, понимая, что совершает новую глупость, разрешил

сыну присоединить к имени родовое прозвище.

– Я благодарю вас за то, что вы, рискуя собой, спасли мою жизнь, сир рыцарь! Я не одолел бы всех этих людей. Вернее, мы не одолели бы. Мой оруженосец еще мальчик, но человек отважный. А где же он, а? Эй, Ксавье!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.